

За ленточкой

АНГЕЛЫ СУДЖИ

ОПЕРАЦИЯ «ПОТОК»

Владимир
Пронский

За леточкой

Владимир Пронский

Ангелы Суджи. Операция «Поток»

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2)

Пронский В. Д.

Ангелы Суджи. Операция «Поток» / В. Д. Пронский — «ВЕЧЕ»,
2025 — (За леточкой)

ISBN 978-5-4484-5638-1

В основу нового романа Владимира Пронского, уже известного читателям автора романов «Дыхание Донбасса» и «Штурмовик Прибылой», положен беспримерный подвиг российских бойцов, участвовавших в операции «Поток», совершивших труднейший многокилометровый переход по газовой трубе в глубокий тыл захватчиков близ города Суджи. Они ошеломили врага неожиданным появлением и тем самым существенно ускорили освобождение Курской земли. Многое пришлось пережить в «трубе» во время смертельно опасного похода главному герою Сергею Землякову и его товарищам, но они достойно вынесли все тяготы, преодолев жажду и кислородное голодание — победили самих себя, проверили взаимовыручкой и, десантировавшись на поверхность, продолжили участие в боях.

УДК 821.161.1-311.3

ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-5638-1

© Пронский В. Д., 2025

© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Пролог	6
1	11
2	16
3	19
4	22
5	26
6	30
7	33
8	37
9	41
10	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Владимир Пронский

Ангелы Суджи. Операция «Поток»

© Пронский В., 2025

© ООО «Издательство „Вече“», 2025

Пролог

Судьба Сергея Землякова – невысокого, подвижного – изменилась резко, почти мгновенно, когда появилась возможность сменить работу и стать фермером. Надоумил его к этому свояк Валера, работавший в управлении сельского хозяйства района. Было это четыре года назад. Встретившись с ним у тёщи на Рождество и поговорив, много о чём передумал тогда Сергей, когда Валерий Исаевич предложил попробовать себя в фермерстве.

– На твоём месте я не сомневался бы, – уверенно сказал он, человек средних лет, слегка полноватый, но всегда выглядевший молодцевато. – Крестьянскую жизнь ты знаешь, с детства с отцом на тракторе. А теперь есть возможность взять землю в аренду, и не какую-нибудь пустошь с кустарником да лесом, который корчевать и корчевать, а вполне готовую чернозёмную пашню. Земля эта – сто сорок гектаров – под зиму ушла после зяблевой вспашки, весной на ней можно будет разместить яровую пшеницу, а в конце лета собирать урожай и считать прибыль.

– Дело известное...

– Где работаешь, по-прежнему в охране?

– В ней. В Москву на вахты мотаюсь. Надоело, конечно.

– Тогда тем более. Землю в аренду возьмёшь, отсеешься весной и будешь сам себе хозяином.

– А что же настоящий хозяин от неё отказался?

– У него сын богатенький. Под Москвой загородный дом построил и его к себе утянул. Так что всё логично.

– А с оплатой как быть?

– На первых порах включу тебя в список по программе поддержки фермерства, получишь грант, небольшой, но на аренду на год хватит, ну и на мелочи. А на серьёзные работы нужно будет семейную кубышку распечатать, тут уж ничего не поделаешь. Или, на худой конец, кредит оформить в банке под небольшой процент.

– Придётся, потому что нет особой кубышки. А какие деньжонки имеются – к жене не подходят.

– Объясни, поймёт. Я слово замолвлю. В трудную минуту родственника не брошу. Екатерина в бухгалтерии работает?

– Так и есть.

– Вот и прекрасно. И гони сомнения.

Валерий Исаевич был почти ровесником Сергея, занимал солидную должность и вёл себя вполне авторитетно, ему можно было верить, хотя Сергею казалось, что свояку более нравится чувствовать себя человеком, от которого что-то зависит, что он любит быть покровителем за чужой счёт. Это по его виду всегда заметно, хотя на словах он никак не выпячивался.

Об этом разговоре и предложении Сергей рассказал вечером жене и спросил, понимая, что многое зависит от неё:

– Ну и что делать будем?

– Не знаю. Если бы не Валера, то и разговора никакого, а так, глядишь, чем-то поможет, подскажет, к кому голову прислонить. Ведь это тоже важно, когда кто-то за спиной стоит. Марина о нём много хорошего говорила.

– Ну, настоящая жена никогда о муже плохого не скажет. И это правильно, – серьёзно высказался Сергей. – Если примем предложение, то я буду производственными делами заниматься, а ты бухгалтерию вести. Ведь сможешь же?

– Смогу, чего же не смочь, главное, чтобы ты не подвёл.

– Чего это я подведу. Зря, что ли, когда-то колледж окончил. И специальность подходящая: ремонт и эксплуатация сельхозмашин.

Так Сергей Земляков стал фермером, взяв в аренду сто сорок гектаров чернозёмной пашни, плохо ли, хорошо ли, но начал развивать свой бизнес, и ему отстегнули некую сумму из общего районного пирога, поступавшего из центра на поддержку и развитие фермерских хозяйств. Правда, сумма такая, что ничего толкового с ней не придумаешь, но попробовать можно было, тем более что у них в семье имелся трактор «Беларусь», доставшийся отцу с советских времён. Отец был механизатором, работал на тракторах да комбайнах, жил и живёт в Выселках в старом их доме, давно на тракторе не ездит, больше пчёлами занимается. Сергей же по весне, когда было время, пахал огород под картошку отцу, соседям, тем, кто ещё остался в селе, а в основном надоедали с просьбами приезжие пенсионеры. «Беларусь» только на это и годился, а чтобы широко замахнуться, иная техника нужна.

Когда возник вопрос о том, что выращивать на арендованной земле, то первой мыслью была мысль о пшенице, да и Валерий именно на этом варианте настаивал. Мол, земля в их местности богатая, урожай пшеницы отменным бывает – ею и заниматься надо. Земляков так и запланировал. Было это четыре года назад. Он взял кредит, договорился с другим фермером о помощи. Фермер тот почти все поля в округе засеивал зерновыми, и, понятно, конкурент ему был не нужен, но рано или поздно кто-то соблазнится готовой землёй, потом разработает поле-другое, мощным трактором да иной техникой обзаведётся – и вот готовый конкурент. Поэтому и согласился, помня, что у Землякова свояк на крепкой должности в районе, и рано или поздно все дорожки приводят к нему.

Сам же Сергей больше на словах герой, а внимательнее приглядишься – ничего особенного: ни смекалки особенной, ни характера. В первые три года фермерства еле-еле концы с концами сводил из-за упавшей закупочной цены на пшеницу, а на четвёртый, нынешний, решил всех перещеголять, но не перещеголял, а лишь окончательно прогорел, когда половину поля отвёл под картошку. Ему предлагали подписать контракт с местным цехом по производству чипсов, но он поосторожничал, когда прочитал повнимательнее текст, увидев в нём строчку о штрафных санкциях в случае нарушения контрактации, резонно подумав: «Урожай будет, найду, куда пристроить. Хуже будет, если пристраивать будет нечего. Но зато штрафа избежу за неустойку!»

Купил весной Сергей семян на занятые деньги, Валерий Исаевич помог с посадкой, пригнав из соседнего ООО посадочный комбайн, не бесплатно, конечно, и в конце августа соседи же помогли с уборкой, только у себя сперва убрали. Но оказалось, что после засухи убирать особенно нечего: на северном склоне кое-что собрали, а на южном всё в пыль превратилось – лишь сухая чёрная ботва торчала в оплывших за лето грядках. Немного выручила пшеница, в итоге сработали с небольшим плюсом, который ушёл на пахоту и посев озимых, а банковские долги по-прежнему висели над душой.

Загоревал Земляков, обозвал себя бестолочью и раз, и другой. Вот сын Григорий у него – тот умница. Чуть что – едет на математическую олимпиаду. В будущем году, как окончит школу, собирается в университет поступать. А что? И поступит, утрёт нос кое-кому. Кое-кто – это его собственный отец, на которого Григорий постоянно наводит критику. Жена Екатерина, правда, более помалкивала, прилежно работала в бухгалтерии электрической компании «Энергосбыт» и ни на что особенно не влияла, зато Сергей все уши как-то прожужжал сыну, когда её не было дома:

– Ну и чего ты добьёшься в своём университете без денег?! На что учиться будешь? Лапу ведь сосать придётся.

– На бюджет поступаю.

– Думаешь, это легко. Чего-то не особенно кто в нашем Степном об университетах думает. В колледж попасть за счастье считают.

– Пусть что угодно считают, а я с золотой медалью куда хочешь поступлю.
– Медаль-то ещё получить надо, а так бы вместе работали.
– Много ты заработал за четыре года? Только в долги влез. И когда теперь отдашь, если других доходов не имеешь?
– Опять зимой в Москву буду вахтами ездить.
– Охранником?
– Теперь шофёром пойду, зря, что ли, права пыляться?! В коммунальных компаниях, говорят, хорошо платят и не мухлюют. – Сергей говорил бодро, но по виду сына понимал, что он не особенно верит даже самому себе.

«Думай что хочешь, – решил Земляков-старший. – Молодой ещё, чтобы учить и выговаривать отцу. А я сделаю по-своему!»

Хотя Земляков хорохорился, но после разговора с сыном приуныл, раздумал устраиваться шофёром, потому что подобный опыт у него уже имелся, когда отработал в Москве месяц на КамАЗе, но вернулся домой без денег: обещали заплатить через две недели, но он не получил заработанное и через месяц, и через полгода и не знал, у кого правды искать, кому звонить. Потом пришлось устраиваться в охрану, но сперва на курсы ходил. И везде, куда ни сунется, постоянно какие-то заморочки, словно специально ждут именно его. Под гнётом сегодняшнего положения вспомнил – деваться некуда – об СВО; в мобилизацию 2022 года он не попал, или его придержали как фермера, а теперь – вольному воля. Так и сказал жене и сыну, обо многом передумав:

– Вы, друзья мои, работайте и учитесь, а я пойду воевать. Может, повезёт: и сам живым вернусь, и долги отдам.

В семье подумали, что он пошутил, а он всё решил вполне серьёзно. Когда же Катя поняла, что он по-настоящему загорелся, то сразу в лице изменилась. До этого выглядела бодро, моложаво, носик-курносик задорно вздёрнут, а как синие глазки подведёт да румяны на щёки положит, то хоть замуж повторно выдавай – девчонка девчонкой. И сама собой ладная: невысокая, под стать Сергею, фигурка точёная и очень внешне похожа на мужа, словно они брат и сестра. Но после того разговора Катя сразу на глазах постарела, позвонила свёкру, нажаловалась:

– Фёдор Сергеевич, ну скажите своему сыну, чтобы он не делал глупостей – на войну собрался.

– Передай ему трубку!

– Слушаю, пап!

– Ты что, сын, надумал. Тебе что мало примера со старшим братом – он погиб ни за грош, и ты на этот путь становишься. Но с тем всё было понятно, в ВСУ его замели, подданный Украины. Когда-то он сам свой путь выбрал, оставшись в чужой стране, а ты чего же? С жиру бесишься? Старший сын своей гибелью мать в могилу вогнал, теперь ты за отца принялся.

– Пап, ну ты же знаешь мою ситуацию – кредиты за меня никто не будет отдавать. А так схожу, годик отслужу – и на свободе! Так что дело решённое. Уж извини, но не напоминай мне о брате-гадёныше.

Общением по телефону этот разговор не закончился. Хотя был вечер, но Земляков сходил в гараж, выгнал «Ниву» и отправился к отцу в село. Через полчаса был на месте.

– Извини, пап, но я без приглашения. Уж больно разговор наш зацепил. Вот ты отговариваешь меня и правильно делаешь, был бы я на твоём месте, так же поступил, но пойми – у меня не тот случай. Контракт с армией хочу заключить не из-за долгов – это ерунда, год-второй – и рассчитаюсь, а из-за невозможности смотреть спокойно на то, что в стране и мире происходит. Скоро уж три года будет, как воюем, а нацисты и не думают сдаваться, даже на Курскую область, а в её лице на всю Россию замахнулись! Это как? Или они на Европу да Америку по-прежнему надеются? Те уж шарахаются от них, а им всё мало и мало помощи.

Вот и сынок твой старший когда-то пошёл по их пути. Какое он тебе письмо прислал в конце тринадцатого года, помнишь? Когда ты ему мёда не дал?

– Ой, сын, давно это было – вспоминать не хочется.

– А я хорошо помню, как ты тогда удивился, когда тебе пришло письмо от незнакомого Олега Хавренко с Украины! И что оказалось? А то, что сын твой взял фамилию жены и своему сыну изменил её. Знать тогда не захотел видеть отца за то, что тот пожалел две фляги мёда: одну для себя, а вторую для своего начальника. Да, незадача случилась с мёдом, уехал тогда не солоно хлебавши твой сынок и грозился потом никогда более не приезжать, письмо шкурное сочинил. Видимо, уже тогда знал, к чему дело идёт. Иначе бы так нагло не вёл себя с отцом. Это надо такое придумать... Ты помнишь, что он написал тогда?

– Помню. И письмо за киотом с фотографиями храню.

– Зачем хранишь-то?.. Можно я посмотрю?..

– Посмотри.

Заглянул Сергей за киот и достал письмо:

– Вот оно, конверт уж пожелтел.

Он вынул письмо из конверта, нашёл нужные строки в нём, попросил:

– Вот слушай, если тебе так оно интересно: «Наступит время, когда мы пройдем победным маршем по Красной площади, докажем вам, москалям, кто вы есть на самом деле. Мы овладеем вашим ядерным оружием, вашими же руками нацелим ракеты друг на друга...» Пап, представляешь, какой бред оголтелого человека, променявшего родителей и страну за флягу мёда, ты хранишь, будто письмо от любимого человека. Я-то думал, что давно выбросил, а ты, наверное, нет-нет да почитываешь.

– Да забыл я его давно. Ты сам зачем-то вспомнил.

– Если сам вспомнил, то сам и уничтожу его!

– Не вздумай. Не тобой оно положено, не тобой и возьмётся. И давай более не будем заводить разговор на эту тему. А сын, каким он ни будь, всё одним моим сыном и остаётся, – и отец заплакал. – Несчастный он, поддался на провокацию и фактически стал изменником.

– Ладно, пап, это теперь в прошлом и ничего не исправишь. Забыли! – не стал Сергей накручивать отца, подошёл к нему, обнял:

– Поеду домой... Перед отъездом ещё заскочу.

Фёдор Сергеевич встал со стула:

– Приезжай! Буду ждать. И не обижайся на меня. Для меня вы оба дороги.

Нехорошо он говорил с отцом, а по-другому никак не выходило. А то, что старшим братом Олегом отца укорил, так это же очевидно, всё на виду. Давно у брата начались проблемы, и более всего, наверное, с головой. Ещё с конца девяностых, когда познакомился в Крыму с Оксаной. Олег тогда работал после армии в Рязани, жил в общежитии, а новая знакомая заманила в Луцк. Уж чем Олег ей понравился, бог весть, но именно всё так и произошло, как предполагалось, – свадьбой. Даже родители ездили на Украину, и Сергей ездил, тогдашний пятиклассник. В ту пору не было заметного разделения, жили словно в одной стране. Всё началось позже: майданы, скачки молодёжи на площадях, восставший Донбасс. Ездить друг к другу перестали, неопределённая тягомотина длилась несколько лет, а потом наступил 2022 год. Старшего сына Фёдора Сергеевича Олега призвали в ВСУ, через месяц он погиб под Мариуполем, воюя за известный батальон, а ещё через две недели, не выдержав переживаний, скончалась его мать на Рязанщине. Одно к одному.

И вот теперь, получалось, пришла пора идти на фронт младшему брату Сергею и воевать за *свою* родину, за Россию. Во как жизнь повернула! И неважно было, какая именно необходимость толкнула на это. Главное, что он так решил, а если сам решил, то так и будет. И ничего особенно не объяснял жене, лишь выслушал отца, когда приехал к нему перед расставанием,

и проникся пожеланием скорейшего возвращения. С женой проще был разговор. Когда легли спать накануне его отъезда, она спросила:

– Ты пошутил сегодня или как? Что опять придумал?

Как же тяжело было отвечать, почти невозможно, поэтому сперва толком и не ответил, почти отговорился:

– Если некуда деваться из-за долгов, придётся на СВО идти. Сама же знаешь, что мы в долгах завязли!

– Это ты завяз, зачем-то Валеру-свояка послушался, золотые горы тот когда-то наобещал, а ты и рот раскрыл, размечтался. Жил бы и жил спокойно, а так... И что мне теперь с сыном делать?!

– Меня дожидаться! Сын умнее нас с тобой – сам во всём разберётся без нашей под- сказки.

– Радостно дожидаться, когда знаешь, что всё хорошо обойдётся, когда муж живым и невредимым вернётся, а так...

– Что «а так»? Я ещё из дома не вышел, а ты уж хоронишь меня. Как это понимать, Екатерина?

– Не хороню я, не хороню, а всё равно душа разрывается. Ты хотя бы представляешь, на что замахнулся-то? Я – баба и то это понимаю... – Катя говорила и говорила. С надрывом в каждом слове, с придыханием, а он терпеливо слушал и не знал, что ответить. Когда же она, замолкнув, отвернулась, зашлась рыданиями, он захотел успокоить, но не решился к ней прикоснуться.

Она сама повернулась к нему, залила слезами. Сергей как мог утешал, рисовал на словах прекрасные картины прекрасной будущей жизни, говорил сперва неуверенно, но с каждым словом его мечтания казались всё более реальными, он уже сам начинал в них верить, а потому говорил всё более настойчивее – так, что она вздохнула, соглашалась с ним, обвила рукой и прижалась.

1

За месяц службы на СВО Сергей Земляков – боец штурмовой роты энского мотострелкового полка – обвыкся, кое с кем скорешился и почему-то более всего с Михаилом Медведевым, действительно похожим на медведя, и пара эта выглядела слегка комично, особенно, когда они находились рядом. Сергей мелкий, курносый и глазастый к тому ж, и почему-то все сразу угадывали, что он – рязанец, ошибочно считая, что рязанцы сплошь мелкие и глазастые. Медведев же, наоборот: крупный, нос прямой, маленькие глазки утопают в бровях, а русые волосы волнами кипят, – когда первый раз Сергей увидел его, то подумал, что он родственник былинных богатырей; именно такими они запомнились с детства по картинкам. И надо было такому случиться, что Медведев оказался тоже рязанцем, только из северного лесного района, а Земляков – степняк, вырос среди полей да лугов, за грибами ходил в лесопосадки, отчего выделялся стойким загаром, на котором редкие веснушки выглядели золотыми.

Познакомились они на полигоне, куда контрактников завезли из областного сборного пункта для прохождения курса молодого бойца после прохождения военно-врачебной комиссии и подписания контрактов. Оба служили в армии, оба были рядовыми. Медведев – гранатомётчик, а Земляков, как у него было записано в военном билете: «Разведчики частей и подразделений „спецназ“». Всё, что относилось к службе, сразу вспомнили, как только взяли в руки автоматы. Бегать и ползать, как оказалось, тоже не разучились. Правда, тяжело показалось с непривычки, особенно Медведеву. Земляков ему, конечно, не чета. Но вот как в природе устроено, хотя и говорят, что подобное к подобному стремится. Здесь не тот случай. Даже наоборот. Земляков, например, не мог терпеть рядом подобных себе. Вроде он не шкет, но всегда смотрит на таких, как сам, словно на отражение в зеркале, и отражение это отталкивало. Его влекло к иным: высоким, крепким – таким, на которых можно было смотреть, поднимая голову. С таким пройти, даже постоять рядом приятно.

Что-то похожее происходило и с Михаилом, будь по-иному, он не относился бы к нему снисходительно, называя нового приятеля Земляком и совсем не обижаясь, когда тот называл его в ответ Медведем. Ну, какой он медведь – так, крепкий, конечно, выше среднего роста. И удивительно запасливый. Поэтому, скорее, бурундук. На комиссию явился, нисколько не сомневаясь, что пройдёт её, в новых кирзовых сапогах. Уж где, в каком магазине или маркет-плейсе он загодя разжился ими, а может, и в запасе имел, но факт оставался фактом, и Медведев сожалел, что имел лишь одну пару.

– Как по мне, так ваши берцы – тьфу, а не обувь: промокнешь в первой луже или даже от мокрого снега! – небрежно говорил он тому, кто интересовался происхождением сапог.

– А ты – голова! – похвалил Земляков, вставив привычное для себя слово «голова», которое применял, где нужно и не нужно.

Позывные «Медведь» и «Земляк» сразу прижились, и все на полигоне, кто оказывался рядом, все так и называли их. Они и позже за ними закрепились, когда в конце января их погрузили в колонну автобусов и повезли на передовую, где они влились в заранее обозначенное подразделение. В один взвод зачислили. Когда доставили на место, как оказалось, под Суджу Курской области, где их полк сражался с начала захвата нацистами плацдарма на территории России, и сражения эти шли с переменным успехом. Только российские бойцы вышибут их из какого-нибудь села, как те сразу принимали подкрепление и вновь шли в атаку. Получали по зубам, откатывались и вновь через малое время выдвигались «жабыми» прыжками.

Ещё до подписания контракта Земляков знал из телевизора, что творится на Донбассе и не только. Сколько там разрушений, погибших и раненых с обеих сторон, посмотришь на иные города и посёлки – в хлам всё разбито, жителей почти не осталось, а какие не смогли вовремя уехать – ютились в подвалах, погребах – кто где. И были это в основном пенсионеры,

у которых ни сил, ни желания не осталось куда-то ехать – положились на Господа. Многие из них погибли от рук нацистов, пропали без вести, угнаны за границу. Оторопь брала даже от телевизионных картинок, когда же увидел всё своими глазами, даже слов не нашлось, чтобы обсудить с Медведевым положение, в какое они попали. Мрачная картина.

Правда, это состояние угнетало их лишь в первые часы пребывания на передовой, где они быстро словно пропитывались запахами и звуками войны и усвоили её порядки. Сержант, под командование которого они попали, первым делом щеголевато и браво представился:

– Сержант Силантьев – ваш непосредственный командир! – И спросил: – Ранее приходилось бывать на СВО?

– Мы – первоходки! – нашёлся Земляков.

– В армии-то хотя бы служили?

– А как же... Всё в военном билете указано. Я – разведчик спецназа, Медведь – АГС таскал.

– Это кто?

– Да вот же рядом стоит, Медведев!

– Вот и называйте его «рядовой Медведев»!

– Я же на военный лад перешёл. «Медведь» – это его позывной. Ничего обидного, всё по-военному.

– А вы-то тогда кто?

– Да у вас записано. «Земляк» я... По мне разве не видно? А по военному билету Земляков.

– Принято! Уж кого-кого, а вас теперь навсегда запомню.

– У вас-то какой позывной?

– «Ярик»... Ярославом меня зовут.

– Замётано... Когда начнём?

– Не спешите, ребята. Успеете, навоюетесь. Как бы сегодня после обеда они не ломанулись.

– Это дело! – вставил свои три копейки Михаил и крикнул от удовольствия. – Давно этого момента ждём.

Сержант ушёл, а они продолжили шуровать лопатами, поправляя осыпавшийся в оттепели и от обстрелов окоп.

– Ты это, Мишка-медведь, не копай глубоко, а то меня при случае землёй засыплет – не успею выскочить.

– А что мне прикажешь делать?

– Ямку себе выкопай и торчи в ней.

– В ней же вода копится.

– А кирзачи у тебя для чего?!

Земляков не успел договорить, услышав свист мины, крикнул:

– Пулей в блиндаж...

Медведев никак не отозвался, но команду Землякова выполнил – следом за ним нырнул в укрытие. Сел на низкий топчан, нахохлился, ни на кого не смотрит.

– Ты чего сегодня такой? – спросил Сергей.

– Я всегда такой... Веселиться и трепать языком не из-за чего.

– Ты о чём-то всё думаешь и думаешь...

– Есть о ком, – не открылся Медведев и уткнулся в ладони, будто заплакал.

– Ты чего это? – потрянул его за плечо Земляков. – Если на душе тяжело, так откройся, сразу полегчает.

Но тот ничего не ответил, лишь тяжело вздохнул, и Земляков отстал, повернулся к другому бойцу из старожилов, по возрасту моложе их, природным румянцем выделявшемся среди остальных, спросил у него:

– И долго так будем сидеть?

– Сиди, парень, успеешь ещё, навоюешься.

Его слова перекрыл шипящий прилёт снаряда, упавший в стороне, и боец ухмыльнулся:

– Вот я и сглазил.

– И долго они будут так работать? – спросил Земляков.

– Это смотря сколько снарядов у них. Бывает, один-два шмальнут, а бывает, и десяток не пожалеют. Как арта утихнет, так они в атаку пойдут. Упрямые до невозможности. Всякий раз по зубам получают, но вновь и вновь прутся в наступ. Упёртые, одним словом, их не исправишь.

– Как тебя зовут-то? – неожиданно спросил Земляков. – Я – Сергей! Давно здесь воюешь?

– Владимир Громов! – подал тот руку. – Под Суджей почти с октября, а вообще-то наш полк перебросили из Харьковской области в августе, когда случился прорыв нацистов на нашу территорию под Суджу. Полк новый, год назад сформированный в Карелии, чтобы в случае чего защищаться от финнов и вообще от НАТО, но пока мы здесь нужнее. А вы вновь прибывшие?

– А что, похожи?

– А то... Ремни-то на боку ведь.

– Это да, это есть, – улыбнулся Земляков. – С этим не поспоришь. Вот такие мы, рязанцы, – древние воины.

В этот момент прозвучала команда «К бою!», болтать сразу перестали, вскочили с топчана, поправили броники, рюкзаки, разгрузки с магазинами. Михаил ломанулся в окопы одним из первых, спросил у Владимира:

– Где они?

– Смотри вперёд – увидишь! Метров пока пятьсот до них.

Пригляделся Михаил и действительно увидел серые согбенные фигурки, по двое, по трое зигзагами двигавшиеся навстречу. Сергей тоже их заметил, привстав на уступ, который оставил специально для себя, глянул на Медведева:

– Видишь!

– Вижу, вижу – не слепой... – и открыл огонь.

– Ну, чего ты молотишь попусту. Поближе подпустим, тогда уж наверняка. А то в белый свет как в копеечку. Думай, голова!

Медведев ничего не ответил, следил сквозь прицел за наступающими, иногда, словно для проверки глазомера, опустив автомат, шептал:

– Ближе, ближе... – И похож был в этот момент на одержимого человека, и так увлёкся, что едва слышал окрик Землякова.

До наступавших осталось метров двести, когда в их сторону прозвучала первая короткая очередь, а за ней вторая, третья... Наступавшие залегли. Раздалось несколько выстрелов из гранатомётов с их стороны. Наши ответили тем же. Когда стрелять перестали, наступавшие медленно, будто из-под палки поднялись, стреляя на ходу, продолжили наступление. Наши открыли встречный огонь. Было заметно, как некоторые нацисты падали, будто спотыкались, в коротком затишье было слышно, как они что-то кричали, и в ответ наши поднялись из окопов, когда прозвучала команда «В атаку!», и бросились им навстречу. И они сразу развернулись, пустились наутёк, вихляясь на ходу из стороны в стороны, некоторые успевали поднимать руки вверх.

Медведев наступал впереди всех, Земляков за ним еле поспевал, когда тот оглянулся и что-то крикнул, Сергей заметил, какое у него злое выражение лица. Наверное, у всех они были далеко не благодушными, но у Михаила оно показалось особенно яростным, даже зверским.

Он менял магазин за магазином, и Сергей заметил, что все выстрелы у него были точными. Причём стрелял не целясь, запомнилось, как одного скосил. Тот был то ли ранен, то ли ногу вывихнул, но отстал от своих, повернулся в полкорпуса и, продолжая скакать, пытался отстреливаться, но Медведев, догоняя его, короткой очередью скосил метров с тридцати. А когда тот ткнулся лицом в заснеженную луговину, подбежал, остановился около него и перекрестился.

Земляков на секунду задержался и, глянув на Медведева, на его опущенную голову, крикнул:

– Некогда сопلي жевать. Вперёд!

Михаил никак не отреагировал, но через малое время будто пришёл в себя от вспыхнувших чувств и продолжил наступление вместе со всеми до той поры, пока перед ними не начали шлёпаться мины, срубая спасавшихся бегством.

Когда отходили на свои позиции, сержант Силантьев заметил, что один боец из вновь прибывших хромает и побледнел то ли от боли, то ли от испуга.

– Что с тобой? – спросил Ярик.

– Ранен, наверное...

– Не наверное, а точно ранен – вон кровь из берца сочится. След кровавый на снегу.

Когда тебя угораздило?

– Не знаю, вместе со всеми в наступление бежал.

– Так и голову потеряешь, не заметишь, – укорил сержант и крикнул в рацию:

– Санинструктора на передок! У нас трёхсотый! – Сержант достал шприц, пояснил: –

Обезболивающий укол сделаю.

Раненого бойца подхватили, несли до окопов и осторожно опустили в блиндаже. Срезали шнурок, начали снимать берц, а из него кровь хлынула.

– Срочно жгут! – крикнул сержант и пытался рукой пережать нижнюю часть голени.

Когда кто-то подал жгут, он сам перехлестнул его, и кровь почти остановилась, а если и стекала, то лишь отдельными каплями сочилась на земляной пол. – Думал, что на мину наступил! – удивился сержант. – Но нет – носок целый. Значит, какую-то мелкую артерию осколок зацепил или пуля пробила ногу, – предположил он. – Когда срезал носок, то чуть ли не радостно оповестил: – Верно я сказал: пуля прошла ногу у ахиллова сухожилия, но само сухожилие, кажется, не затронула.

Обложив рану тампонами, он забинтовал ступню, поудобнее устроил раненого, снял с него рюкзак, броник, отстегнул магазин у автомата, щёлкнул затвором, выгоняя патрон, и положил оружие отдельно, спросил:

– Документы при себе?

– В куртке, во внутреннем кармане.

– Тогда лежи, ждём транспорт.

Вскоре прибыла санитарная «буханка», остановилась за домом с разбитой крышей, и, пригнувшись, хотя близко выстрелов не было слышно, санитар побежал в блиндаж. Осмотрел раненого, проверил ступню, слегка попросив пошевелить ею, и знающе и даже слегка весело сказал:

– Сухожилие и кости не задеты. Нога сохранится. Помогите донести до машины.

Раненого бойца унесли, и кто-то из «стариков» сказал:

– Быстро же он навоевался.

Пополнение молчало, потому что не только не знало, что сказать, но более от натурализма увиденного и приторно-острого запаха крови. Землякова тоже эта сцена не оставила равнодушным, но он более удивился ловкости и умению сержанта, тому, как он играючи управлялся с раненым, даже пытался определить тяжесть ранения.

– Товарищ сержант, а вы молодец, ловко разобрались! – похвалил сержанта Земляков.

– Не подлизывайся и не попадайся мне под горячую руку. А лучше от пуль берегись да почаще наверх посматривай, когда выходишь из блиндажа, – «птичек» тут много летает. А то, гляжу, сегодня бла-бла устроили с Медведевым, когда окопы поправляли: оба спиной кверху и хоть бы что вам обоим, а на спине, как известно, глаза не растут. Так не годится. Если копаете вдвоём, то один копает, а второй за небом наблюдает. А то докопаетесь – сразу в роте два двухсотых прибавится. Уяснили?

– Так точно! – по-армейски отрапортовал Земляков.

– От вас не слышу голоса, – посмотрел сержант на Медведева.

– Так точно! – повторил тот, не особенно дружелюбно посмотрев на молодого сержанта. Немного позже, когда сержант вышел из блиндажа, Медведев спросил у Сергея:

– Он теперь так и будет нам нотации читать?

– Будет! Если заслужим, то будет. Он же о нас печётся. Понимаешь это?

– Понять не трудно.

– И вообще ты сегодня сам не свой. Что с тобой?

– А ты что, не знаешь? Я человека сегодня убил! И не одного...

– Не человека, а врага. Запомни!

– Всё равно не по себе.

– Это всегда так с непривычки бывает. Обыкнешься и думать ни о чём не будешь. Я, кажется, тоже одного скошил.

Медведев отмахнулся, словно надоел ему Земляков, и промолчал, о чём-то задумался, а о чём – даже спросить страшно.

2

Что и говорить, а первый бой перевернул душу Медведеву. Совсем не так получилось, как должно было быть по его задумке, которую он хранил в себе с минувшей осени. Тогда душа его надломилась, хрупнула и, похоже, не срослась, да и как ей срастись, когда в тот запомнившийся сентябрьский день жизнь его, казалось, закончилась. Он, здоровенный мужик, обеспокоившись долгим молчанием сына и обратившись в военкомат, узнал, что тот пропал без вести.

– Эх, вы! И скрывали! – укорил он служивого майора – румяного, коротко постриженного, с франтоватыми усиками, – когда, специально отпросившись с работы, приехал в райцентр.

– Что поделать, Михаил Константинович, – вздохнул тот. – Сведения такие есть, но сами знаете, что зачастую бывает так, что потом находится человек, а мы переполошим его родителей, родственников. Поверьте, зачастую бывают невообразимые случаи. Причины исчезновения самые разные, вплоть до того, что влюбится боец в какую-нибудь бабёнку, когда ему влюбляться не положено, задурманит она его, а он и голову теряет. Хорошо, если кто поумней, вовремя спохватится и вернётся в часть с повинной, а есть и такие, что дерзкими становятся, покидают часть с оружием... В случае с вашим сыном мы собирались вам позвонить, но прежде что-то узнать о нём, а то ведь всякое случается.

– Извините, товарищ майор, но что вы такое говорите-то?! Мой сын – патриот, каких поискать. Он в почётном карауле стоял каждый год на 9 Мая у Вечного огня. Юнармейцем был. Это вам о чём-нибудь говорит? В мае демобилизовался со срочной, через месяц заключил контракт, пошёл добровольно воевать. А вы тут про шуры-муры мне лапшу вешаете, да намёки грязные делаете!

– Уважаемый Михаил Константинович, я вполне понимаю вашу обеспокоенность, но и вы поймите меня как военкома. Мы всё делаем для того, чтобы быть на связи с родственниками воюющих ребят. Всякие случаи приходится разбирать, и, поверьте, в каждом у нас свой, отдельный подход, под одну гребёнку мы никого не стрижем. Как что-то выяснится, мы обязательно сообщим вам. Или вот, – он подал визитку с номером телефона, – звоните время от времени. Глядишь, что-нибудь прояснится.

– Будем надеяться! – буркнул Медведев и, тяжело поднявшись со скрипнувшего стула, резко вышел из кабинета военкома.

Его всего трясло. И от гнетущего известия, и от неизвестности одновременно. Когда вернулся в свой посёлок и шёл по улицам, то не стыдился слёз, даже не думал об этом. Только вошёл в дом, жена всё или почти всё поняла, застыла, боясь услышать что-то страшное. А он не спешил докладывать, потому что и сам не знал ничего конкретного.

– Так и будешь молчать?! – подступила Валентина. В другом случае она обняла бы, заглянула в глаза, а тут настырно встала рядом, и Михаил почувствовал, как от неё волнами идёт тревога.

– Говорить-то особо нечего.

– Как нечего, если глаза красные. Что случилось-то?

– А кто знает... Признали нашего Димку пропавшим без вести. На днях стало известно. Собирались с нами связаться, а я как знал – сам поехал.

– Ну и где он пропал? – не отставала жена – белокурая, обычно улыбчивая, а тут сразу потемневшая лицом, даже, казалось, цветом причёски.

– Откуда же мне знать. И никто не знает. Если бы знали, то не говорили бы, что он пропал без вести, а конкретно его местонахождение указали. Сама подумай. Он ведь в августе звонил, сообщил, что их часть перебросили в Курскую область, под город Суджу. Я на карте смотрел,

это на самой границе с Украиной. Вот там он и воевал в энском полку, когда нацисты проникли на нашу землю.

- Ну и как теперь жить?
- Как прежде. Будем ждать.
- Как прежде не получится. Я только и ждала от Димы звонка, а теперь чего ждать?
- Чего ждала, то и жди. Ты где работаешь?
- В библиотеке, будто не знаешь.
- Вот и работай. И я буду у себя в лесхозе. И будем надеяться, что найдётся наш сын.

Обязательно найдётся Димка!

Михаил готов был звонить по телефону на визитке каждый день, но сдерживал себя, понимая, что в военкомате и без него хватает работы. Поэтому позвонил раз, другой и затаился, догадываясь, что своими звонками только нервирует работников военкомата.

Они позвонили сами, уже в ноябре. Женщина усталым голосом объяснила:

– Судя по документам и жетону, тело вашего сына предположительно найдено при освобождении одного из сёл под Суджей, но у следствия есть некие сомнения при установлении личности. Поэтому вам необходимо сдать тест на ДНК. Для этого вам нужно получить у нас направление в лабораторию. Когда сможете подъехать?

- Да хоть завтра!
- Вот и прекрасно. Подъезжайте. Мы начинаем работать с девяти утра.

Еле Михаил доработал до конца смены и, отпросившись на завтра, спешил домой с новостью для Валентины. Радости, понятно, не было, но хоть какая-то определённости появилась. В конце концов, если это действительно *он*, хотя бы похоронить можно будет по-человечески. Михаилу всё теперь стало понятно, но как об этом сообщить Валентине, как объяснить ей. Вопрос? Ведь наверняка зальётся слезами, зарыдает во весь голос, а он будет стоять рядом вздыхать и боясь шелохнуться к ней, словно виноват во всём. Но рассказать пришлось.

– Завтра в район поеду. Из военкомата звонили, сказали, что *тело* найдено, документы при нём, но для достоверности необходимо сдать тест на ДНК. Чтобы без ошибки.

– Езжай, если нужно, – ответила она вроде спокойно и, как он и предполагал, почти сразу завсхлипывала.

Попытался успокоить её, прижать к себе и показать тем самым сострадание, но она отмахнулась, ушла в спальню, накрылась подушкой. А он не знал, что делать, куда деть себя. Пойти поковыряться в огороде, так не сезон. Сейчас там делать нечего. Можно в палисаднике покопаться, да мужику вроде не с руки. Только народ смешить. Да и не сезон опять же. Хотел посмотреть и послушать новости с фронтов, но теперь душа к этим новостям не лежала, а ранее, когда сын отправился воевать, так и пялился в экран, боясь пропустить любую новость. И всё надеялся увидеть сына. Ведь бывает, что показывают бойцов, глядишь, и Димон мелькнул бы среди них. Он бы его сразу узнал, рослого, а теперь никакой надежды – гляди на экран, не гляди.

Они в этот вечер даже не ужинали, лишь попили чаю. А когда легли спать, Валентина зашептала, будто их кто-то мог услышать:

- Обними меня...
- Тебе вроде нельзя сегодня.
- Можно. Самое то. Хочу ребёнка.

Наутро жена изменилась, будто бы успокоилась, или просто он другими глазами глядел на неё. Они торопливо позавтракали и вышли из дома. Они никогда на улице не целовались, а тут он нагнулся и поцеловал Валентину:

- Ну, беги! Читатели заждались.

Весь день Михаил ломал голову, не мог понять, что вчера накатило на Валентину. Даже хотел спросить об этом. Но поразмыслив, не сразу понял, отчего ей в голову пришла мысль

о новом ребёнке. Себя поставив на её место, он решил, что сыграла в ней женская сущность. Да, жена будет тужить, переживать о потерянном сыне, но с каждым новым днём начнёт ждать того момента, когда почувствует в себе новую жизнь, и станет она ей лучшим утешением. И обе эти жизни: потерянная и зародившаяся покажутся одинаково важными: одну из них будет всегда вспоминать, а другую лелеять.

Через неделю Михаила известили из военкомата о результате экспертизы: она подтвердила стопроцентное родство с сыном. Сказали так же, что гроб с телом прибудет в район через два дня и необходимо определиться с местом захоронения. И надо будет приехать к ним, оформить надлежащие документы. Деваться некуда, и через пару дней Михаил отправился в военкомат. Невесёлое это дело – заниматься скорбными делами, но он прошёл этот путь до конца, до того часа, когда закрытый гроб опустили в землю и над кладбищем разнёсся троекратный автоматный салют. И заиграл гимн России.

Вроде бы всё прошло порядком, отдали последние почести героически погибшему воину, и, казалось бы, надо успокоиться, в душе оплакивать потерю, но Михаил всё более наливался на первый взгляд необъяснимой злобой и жадой мести к тем, по чьей вине погиб его сын. И как усмирить в себе эту месть, как сделать так, чтобы душа встала на место или хотя бы задремала на краешке этого места, а когда это случится – распрямиться, жить вольготнее, понимая, что нет такого горя, которое не проходило бы. Зарубка на сердце, конечно, останется навсегда, но и она постепенно затянется, перестанет уж очень сильно тревожить. Если только иногда отзовется острой коликой, заставит вспомнить убиенного и почувствовать, как по-настоящему заколотилось сердце.

Неделю мучил себя Михаил похожими мыслями и сказал Валентине:

– Ты как хочешь, что угодно обо мне думай, а я уйду воевать!

– А как же я, наш ребёнок?!

– Ты будешь ждать меня, а ребёнок... Ты знаешь, что надо сделать в таком случае.

– И не подумаю.

– Молодец. Тогда я с лёгкой душой пойду. Вместо сына встану в строй.

– А мне что делать?

– Ждать меня.

– Я одного ждала, теперь и другого. Думаешь, это легко?

– Тяжелей тяжкого, но ты сильная. Выдержишь. Дождёшься.

– Родителям своим скажи.

– Сама потом скажешь. Отец поймёт, но мать вся обрвется, а у неё сердце больное, а «скорая» в их село не каждый раз приезжает. Так что не спеши говорить. Или скажи, что я уехал в командировку на Север, на лесозаготовки завербовался. В общем, придумай что-нибудь.

После этого разговора прошла ещё неделя, и он встретился на сборном пункте с Серёгой Земляковым. Ну а далее дело известное.

3

И вот этот Серёга опять над душой стоит, в бок толкает.

– Ну, чего тебе? – отмахнулся Медведев.

– Ничего... Каши термос принесли. Ты же любишь кашу!

– Откуда знаешь-то?

– Знаю... По тебе видно. Но ничего, ещё неделька-другая, и в форму войдёшь.

– Давно уж вошёл. Штаны болтаются.

– Это и хорошо, легче в атаку ходить.

Наелись они гречки с тушёной, пристроились на топчане, Земляков спрашивает:

– В себя пришёл?

– Чего ты всё цепляешься-то, всё-то тебе надо знать? Тяжко мне. Уж жалею, что ввязался в это дело. Поддался эмоциям, а теперь терзаюсь.

– Ты из-за подстреленного сегодня переживаешь? – Медведев, соглашаясь, промолчал, не стал до конца открываться. – А зря. Они не переживают, когда издеваются над стариками да женщинами. У тебя вот дома жена осталась... Вот и представь, что кто-то врывается в твой дом с оружием, и не просто врывается, а жену твою насилует, всё крушит, дом поджигает! Ты и после этого будешь жалеть таких, терзаться? С таким отношением долго не навоюешь, будешь каждый раз, прежде чем стрелнуть, вздрагивать. И не затем всё-таки пошёл воевать, голова, чтобы теперь нюни распускать.

– Да не распускаю я, не распускаю, но должна же быть в человеке искра Божия.

– Да, должна, но не в этом случае. На поле боя ты воин и должен помнить, что за тобой семья стоит и вся страна.

– Ну, ты загнул. Тебе только агитатором быть. Я о другом пытаюсь сказать. Знаешь, мне постоянно случается бывать в лесу, и по весне там часто попадаются выпавшие из гнезда птенцы. Увижу такого и не могу мимо пройти. Если есть возможность, обязательно верну в гнездо. Пусть живёт и радуется свою мамку, а на земле ему хана: обязательно какой-нибудь зверёк съедает. У меня у самого в жизни такой же нестерпимый случай произошёл... Сын у меня из гнезда выпал, и никто ему не помог, а я далеко был – не знал. Погиб у меня сын несколько месяцев назад, а сперва считали без вести пропавшим. В ноябре похоронили в закрытом гробу. Так что не так всё просто.

– Не знал, прости... – вздохнул Земляков.

– Я вот и решил тогда, что пойду воевать вместо него. Порыв у меня был такой. Да, видно, поспешил, не созрел я для этого. Ведь для этого натуру надо иметь, чтобы воевать.

– Ну, это ты зря на себя наговариваешь. Получается, что у твоего сына натура защищать Родину была, а у тебя такой натуры не оказалось. А у кого она есть? Думаешь, у меня её полно, посмотри вокруг, у всех этих ребят её полно?! На словах – да, все мы храбрецы, а как дело доходит до отправки, то колени трясутся. Думаешь, так легко все они собрались и пошли стрелять по живым мишеням. Я тоже сегодня страху на себя нагнал, когда увидел, как завалился враг после моего выстрела, и, представь, я на расстоянии понял, что попал в него, понимаешь, физически почувствовал, как вошла пуля. На расстоянии. У меня случай был – собачку я застрелил из ружья... соседка попросила: мол, собачка старая, под себя ходит. Отвёл я собачку за село, привязал к дереву, ну и стрелнул... Ну, на селе это дело привычное. Закопал потом её, а помню, у меня руки дрожали. Соседка мне в награду банку молока принесла. Не стал её обижать, взял, а пить молоко не смог и семье не позволил. Вылил молоко хрюшке, а легче на душе всё равно не стало.

– Ты где научился так ловко агитировать? – после паузы спросил Михаил. – Наверное, университет окончил?

– Нет. Всего лишь колледж. Дело в том, что чувство любви к Родине должно быть у каждого. Если её нет, то и нечего здесь делать. Я ведь тоже попал сюда не просто так. Я со своим фермерским хозяйством нацеплял долгов и решил: «Дай, думаю, съезжу повоюю. Глядишь, что-нибудь да заработаю!» А здесь понял: «Не-ет, брат, не за деньгами ты поехал, деньги – это лишь мнимый повод. Совесть в тебе заговорила, душа повелела так поступить и погнала вперёд!»

Они надолго замолчали, бойцы засуетились, прислушиваясь к разговору сержанта по рации, но раздавшиеся разрывы снарядов заглушили его голос. Один совсем рядом взорвался напоследок, да так, что с потолка блиндажа посыпалась земля, и раздался голос сержанта Силантьева:

– Проверить снаряжение! Пополнить БК! Приготовиться к бою!

Все зашевелились, оглядели ранее набитые магазины в разгрузке, укладку гранат и начали ждать окончания вражеской артподготовки, во время которой укробойцы со всех ног бежали навстречу смерти. Когда разрывы закончились, Земляков сказал Михаилу:

– Ну, что, брат, пошли!

– Святое дело! – отозвался тот.

Сергей подумал, что он пошутил так. Но нет: вид суровый, глаза смотрят прищуркой.

Раздалась повторная команда: «К бою!», и опять они высыпали из блиндажа, рассеялись по окопам, и сержант напомнил:

– За воздухом следите. Дроны могут быть.

И вскоре они действительно появились, причём с разных сторон, и почему-то начали гоняться друг за другом, словно игрались.

– Смотри, чего вытворяют! – крикнул Земляков Медведеву. – До нас им и дела нет.

А дроны продолжали играть в «салки», пытаясь друг друга «осалить», и все поняли, что неспроста они устроили карусель. И действительно, вскоре «птички» разлетелись в стороны, но вдруг развернулись и полетели навстречу, пошли на таран, как самолёты, и не понять, где чей дрон и за кого переживать. Звук столкновения лоб в лоб слышно не было, зато звук взрыва на месте столкновения прозвучал оглушительно, потому что произошёл он на небольшой высоте, и фрагменты дронов упали метрах в пятидесяти от окопов. Так как воздушный бой происходил почти над их головами, то не трудно было понять, что дроны прилетели с разных сторон: вражеский атаковал, пытаясь сбросить мину в окопы, а наш мужественно встретил его, отгоняя, и как тот ни увёрчивался, всё-таки пошёл в лобовую атаку.

– Да, зрелище! – удивился Медведев. – Наш молодец!

– Это который? – Земляков нарочно попытался уточнить, желая понять настроение товарища.

– Тот, кто нападал, тот и наш! Нас же прикрывал.

Тут раздалась прилёт мин, теперь из-за спины, и лупили они по серым фигуркам наступавших укров, сразу залегших в рытвинах и воронках. Повторилась утренняя история, прозвучала команда «В атаку!», и все бойцы ринулись вдогонку за противником, заставляя, как зайцев, выскакивать из воронок и во все ноги улепётывать, а разрывы мин сопровождали их. Некоторые враги на бегу отстреливались, и одна из пуль зацепила кого-то из наступавших, и тот кувырнулся на бок, зажал рукой локоть. Кто-то подбежал к нему, помог укрыться в воронке, начал помогать накладывать жгут на руку. Всё это Земляков увидел боковым зрением, прошептал, вспомнив о себе: «Спаси и сохрани!», и старался не отстать от Медведева, теперь уж привычно бежавшего впереди. И стрелял он по-прежнему ловко, не целясь, но в какой-то момент, видимо, промахнулся, и тот, в кого он стрелял, заставил Михаила стрельнуть с колена, более надёжно, и в этот раз пули достигли цели: враг вздёрнул руками, будто оступился, и, выронив автомат, ткнулся лицом в снег.

Дальше преследовать отступавших не было смысла, чтобы при этом не напороться на замаскированного пулемётчика, бойцы отделения развернулись и, наблюдая за небом, перебежками возвращались к окопам. Земляков со стороны наблюдал за товарищем и не находил на его лице каких-либо чувств, но взгляд его был более открытым, чем при утренней атаке. И Сергей ничего не стал говорить, ни о чём-то спрашивать, а то опять обзовёт агитатором, которым он никогда не был, и не понимал, откуда сегодня к нему пришло желание кого-то поучать, что-то растолковывать. И хорошо, что Михаил оказался терпеливым, более отмалчивался, переваривая в себе то, что ему Земляков наговорил. И в какой-то момент Сергей осёк себя внутренним голосом: «А сам-то ты что же? Ведь не по велению души отправился воевать, а чтобы с долгами расплатиться! Разбаловало нас государство, твой прадед воевал в Великую Отечественную за махорку, и ни у кого мыслей, наверное, не возникало, чтобы ещё что-то просить у государства. Винтовку дали – вот и радуйся!» Земляков помнил рассказы бабушки о том, как они жили в тогдашнюю войну, когда в городских магазинах всё было по карточкам, люди даже в деревнях с голоду пухли, а сейчас все ноют и жалуются на поднявшиеся цены. А как вы хотите, люди, когда страна воюет, хотя она, конечно, не вся воюет, а только какая-то её часть. Остальные, опять же не все, – как ни включишь телевизор – сплошь поют и пляшут. И нет никому укорота, словно те, кто пляшут, живут в иной стране, до которой им и дела нет!

Рассуждая, Земляков и себя имел в виду. Разве ранее он думал по-настоящему о том, что творится в мире. Так – прислушивался. Не более. Где-то гибли люди, гремели взрывы, горели здания – это, понятно, не радостные фейерверки. Худо-бедно, а жизнь продолжалась, хотя у всех и каждого проблем хватало. Но опять же все были сыты, спали в тёплых постелях, кто хотел, работой себя обеспечивал. Чего ещё надо. Богатства, денег? Так их чем больше, тем больше хочется. И нет алчным людям в этом предела. Дай каждому из них волю, такой все богатства мира захапал бы. Сергей это и ранее знал, секрета в этом нет, но здесь, на передовой, это ощутил и, главное, осознал по-настоящему. И воевать по большому счёту он пошёл не из-за денег, а ради спокойствия жены, ради сына Григория, ради того, чтобы тот окончил школу с золотой медалью и далее бы шёл учиться.

Утонув в собственных мыслях, Земляков наблюдал за Медведевым, заметил, как он сразу, как только вернулись в блиндаж, начал набивать магазины, протёр тряпицей кирзачи, наелся тушёнки с галетами и нет-нет да посматривал на товарища, и Земляков не удержался, спросил:

– Ждёшь политинформацию? Не дождёшься. Мне бы самому кто-нибудь её прочитал!

Михаил улыбнулся:

– А ты заковыристый мужик. Тебе слово, а ты в ответ десять. Молодец, такие умеют постоять за себя и многого в жизни добиваются.

– А как иначе. Будешь молчать, проглотят и не поперхнутся. Это дело известное. Как настроение?

– Рабочее.

– Не расслабляйся. Сержант говорил, что сегодня наше отделение в охранение заступает. Будем своих от диверсантов охранять.

– Это как в армии, наряд по части, что ли?

– Вроде того.

– Ну, это дело привычное, – легко отозвался Медведев, и Земляков понял, что он очистился от недавней хмари, стал нормальным бойцом.

4

Когда более или менее утомонились, сержант Силантьев объявил:

– Кто желает поспать часок, не возбраняется, потому что впереди практически бессонная ночь. В караул заступаем. Под охрану берём наш опорник и два соседних, ну и линию боевого столкновения на участке нашего взвода под наблюдение. Оберегаем себя и товарищей от возможных диверсантов. Ясно?

– Так точно, – недружно раздалось в блиндаже.

Сержант ушёл в другой, а Земляков спросил у Медведева:

– Спать будем?

– Спи, если хочешь. Я всё равно не усну. Что это за сон – час всего.

– Как знаешь, а я сегодня набегался – вздремну.

– Тогда и я не отстану.

Медведев подложил рюкзак под голову, лёг на бок, поудобнее устроился и закрыл глаза. Минут через пять он уже легонько посвистывал носом, а Земляков удивился: «Ну и нервы у человека! То весь день тенью ходил, а то мгновенно уснул!» Сам же Земляков только попусту проворочался полчаса, даже не задремал, и прислушивался к тому, что происходило вокруг. А происходило одно: все спали, ему же оставалось завидовать друзьям-однополчанам. Ярика с ними не было, а когда он появился, то и сон у всех закончился после его звонкого голоса: «Отделение, подъём!»

Вскоре построились, и сержант провёл инструктаж.

– Всем внимательно слушать, особенно пополнению, и совсем особенно тем, кто не служил в армии. Сегодня вы заступаете в караул, если можно так сказать, по части, но на своём участке ответственности. Во время несения караульной службы в зоне ответственности не должна пробежать ни мышь, ни заяц, не тем более диверсант просочиться. От этого зависит ваша жизнь и жизнь ваших товарищей. Если вдруг будет попытка проникновения из-за линии боевого соприкосновения, то при задержании необходимо произнести: «Стойте, кто идёт?!» Если не подчинится – «Стойте! Стрелять буду!» Если и в таком случае проигнорирует приказ, то сделать предупредительный выстрел и после этого стрелять на поражение. Шутки шутить никто не собирается. Далее. Порядок несения службы, как и в мирное время: два часа на посту, два часа бодрствования для изучения устава, два часа сон. Ясно? Смену караула буду проводить лично. Заступаем на сутки с 20: 00. Связь со мной по рации. В тёмное время суток будете пользоваться тепловизорами. Исполняйте! – сержант козырнул, закрепляя свои слова силой приказа.

Так как на посты были назначены парные часовые, Медведев с Земляковым попросились в одну смену и попали сразу в караульную. В их секторе оказались два опорника и вереница окопов между ними. Дождаясь момента заступления на пост, они поужинали сухпаями, напились чаю, а когда пришло время, то Силантьев повёл их на развод во время которого прозвучали: «Пост сдал» – «Пост принял», и с этого момента они – часовые, но не те, которые стоят не моргнув глазом, а берут под наблюдение и охрану особо важные объекты, в их случае опорники. С наступлением сумерек пресекается всякое движение на охраняемой территории, а если кто и выберется из блиндажа, то лишь по нужде. А так тишина, если в отдалении не стреляют, да лишь порывы ветра в голых деревьях нарушают относительное спокойствие.

В последние дни после волны холода потеплело, и ночами стало не так морозно, но всё равно стоять на ветру не очень-то комфортно, если укрыться негде особенно, да и укрываться не положено. Необходимо постоянно держать под обзором свой сектор, уходящий в заснеженную луговину далеко в темноту, где невооружённым взглядом вдали ничего не увидишь. Но с тепловизором это запросто. Михаил Медведев ранее слышал о таких штуковинах, а теперь

сразу оценил это изобретение, в маленьком мониторе которого открывалось пространство в зелёных тонах. И не было кого-то, на ком можно это проверить в действии. А тут и случай подоспел. Кто-то выскочил из блиндажа и отправился в дощатую будку, как тотчас замер от медведевского баритона: «Стой, стрелять буду!» Фигурка в окуляре замерла и тотчас разразилась отчаянной защитной бранью: «Я тебе б... стрельну. Сразу рога отвалятся!» Сдерживая себя, чтобы не рассмеяться, Медведев кашлянул: «Отбой! Проверка связи!» Фигурка из окуляра ничего не произнесла, лишь погрозила кулаком, и эта угроза заставила улыбнуться. Всё-таки хорошая эта штукавина – тепловизор, ни одна мышь не пробежит.

Товарищи взяли под визуальную охрану каждый свою половину сектора и старались особенно не шастать туда-сюда, а затаиться в каком-нибудь укромном месте, понимая, что довериться слуху в этом случае надёжнее, зная, что даже лёгкие шаги будут слышны на хрустящем снегу.

Прошло волнение, когда Михаил вспомнил молодость и службу в армии, где приходилось стоять в караулах в лютые морозы, нынешним не чета, особенно в эту зиму. Теперь всё по-иному. И нет тогдашнего спокойствия, всё тревожно, когда знаешь, что противник почти рядом, в километре по ту сторону неубранного поля. И в любой момент оттуда может прилететь смертельный гостинец, которого не ждёшь, а он всё равно прилетит. Может прилететь. Время от времени посматривая в тепловизор, Михаил заметил в конце поля движение. Пригляделся внимательнее, и сразу сердце застучало чаще, как когда-то на засидках, при выслеживании зверя. А фигурка тем временем всё разрасталась и разрасталась, и вот в той стороне раздалась суматошная автоматная пальба из нескольких стволов, и фигурка почти пропала, слилась со снегом и, прильнув к луговине, поползла навстречу Медведеву. Он сразу попытался связаться с сержантом, но не успел ничего сказать в рацию, потому что он стоял уже рядом. Посмотрел в тепловизор и знающе сказал:

– Перебежчик...

– Только ползёт куда-то наискось.

– Может, стрельнуть. Обозначить огневое прикрытие.

– Не годится... Подумает, что в него. Фонариком надо посветить.

Посветили, обозначая круг, и фигурка сразу изменила направление, поползла на них.

– Понятливый мужик! – порадовался Силантьев.

Минут через десять он оказался перед ними, пробежав последние метров пятьдесят.

– Ну и кто ты? – спросил сержант, схватив его за руку. – С чем пожаловал?

– Я в плен... – сказал он таким тоном, словно боялся, что ему не поверят.

– Кто ты, в какой части служишь?

Он назвал номер бригады, а фамилия моя самая украинская: Огиенко.

– Ну, пойдём в блиндаж, Огиенко, поподробнее расскажешь свою историю. А ты, Медведев, продолжай службу. Молодец! – обратился сержант к Михаилу. – Рот не разевай попусту.

В блиндаже пленному – высокому, русоволосому мужику средних лет – связали скотчем руки, обыскали, проверили документы, и сержант доложил командиру о перебежчике, и тот коротко приказал:

– Ждите особиста!

– Как зовут-то, Огиенко? Откуда ты? Как попал на курскую землю?

– Зовут Владимиром, из Полтавы я, тэцэкашники замели после Нового года. Отец украинец, разбился на машине три года назад, мать русская, родом из Крыма, её мать – моя бабушка из Рязани, в детстве бывал на её родине в Мещере. Был у меня младший брат, погиб год назад на фронте.

– Почему от своих сбежал? Ведь могли подстрелить!

– Какие они свои... Из-за матери сбежал, не хотел, чтобы и второго сына у неё убили.

– Есть хочешь?

– Нет, спасибо, попить дайте...

Ему подали бутылку с водой, он жадно сделал несколько глотков, дёргая кадыком, и сказал:

– Спасибо, парни! Простите нас!

– Кого-то простим, а кого-то подумаем! – с нехорошей прищуркой сказал сержант. – Ладно, приходи в себя, скоро за тобой машина придёт.

Когда через полчаса пришёл внедорожник и капитан с двумя охранниками повели Огиенко к машине, он сказал на прощание:

– Спасибо, сержант! Ты настоящий человек...

Когда капитан уехал, Силантьев вышел из блиндажа, окликнув Медведева, подошёл к нему, спросил:

– Как ты его обнаружил?

– В тепловизор, полезная штука.

– А твой «крестник», оказывается, наполовину русский, бабка у него из-под Рязани. Твоя землячка. Вот как всё сплетено. И говорит он на русском чисто, без гэканы. Он как, во весь рост шёл?

– Именно так... Сперва шёл, а когда начали стрелять – пополз.

– У них ведь тоже часовые есть. Ты-то обнаружил, так же и они его засекли. Незаметно трудно сбежать.

– Но всё обошлось для него. Повезло.

– Это верно. Их там в такие условия поставили, в такие тиски зажали, что мама не горюй.

Ладно, бди!

– Товарищ сержант, хотел спросить: вы сами-то откуда будете?

– Из Карелии, а что? Когда нашу дивизию начали формировать, я поступил на службу по контракту, думал недалеко от дома буду служить, а получилось, что сперва на Луганское направление выдвинули, а теперь вот на Курском воюю.

– Не жалеете, что подписали контракт?

– Ни капли. Я уж служил два года по контракту после срочной, там и сержантом стал. Потом под мобилизацию попал, прослужил полгода, был ранен, какое-то время на инвалидности сидел, потом окончательно излечился, и вот снова в войсках. Неймётся мне.

– А чего первый раз-то расторгли?

– Женился, жена настояла. А я оказался слабохарактерным.

– Теперь, значит, характера прибавилось? Или жена привыкла?

– Какой ты всё-таки любопытный. Знаешь ведь, что на посту разговаривать категорически не полагается?

– Знаю.

– А сам чего же?

– Да это так, вскользь... Детишки-то имеются?

– Две девчонки. Бракодел я. Ну, ладно. Поговорили, и хватит, а то вместе на губу загудим!

Хорошо поболтал Медведев с сержантом, хотя и в нарушение устава, но это малая провинность. Главное для него в сегодняшнем дежурстве, это то, что вовремя обнаружил перебежчика, вовремя оповестил командира, который оказался и ненамного моложе, но бывалым, оказывается, с таким не пропадёшь.

Пока говорил, видел, что Земляков неподалёку крутится, а как сержант ушёл, то он подошёл и хмыкнул:

– С начальством скорешился?!

– Ладно, не прикалывайся и не ревнуй. Немного о себе он рассказал. Ведь интересно же, кто тобой командует, отдашь, не задумываясь, жизнь за командира или подумаешь. А для этого, чтобы всем жертвовать ради кого-то, надо знать, что твоя жертва станет необходимой...

- О, как ты заговорил!
- Тебя наслушался. Ладно, Серёг, разбегаемся. Немного осталось до смены караула. Тебе тепловизор дали, вот и радуйся игрушке, держи уши на макушке.
- Прямо стихами заговорил.
- Не прикалывайся, а неси службу и не поддавайся её тяготам.

5

После суток караульной службы всё почти отделение чувствовало себя разбитым, не выпавшимся. Те, кто в дневальных ходил, обеспечивая общий порядок в подразделениях взвода, наводя чистоту в блиндаже, окопах, обеспечивая обогрев, заготовку дров, доставку воды, горячей пищи, – тем легче было, хотя при случае и они участвовали в удержании позиции и в атаку шли вместе со всеми. В общем, как сказал появившийся утром следующего дня командир взвода лейтенант Егор Зимин, вернувшийся из госпиталя и заглянувший в блиндаж для знакомства с вновь прибывшими:

– Рад приветствовать новых сослуживцев, все вы, вижу, не юнцы, едва оперившиеся, а, чувствуется, настоящие воины. Рад знакомству и надеюсь, мы принесём пользу друг другу, а главное – Отечеству!

Слова произнёс бодрый, хотя сам, похоже, был юнцом и внешне не произвёл впечатление: бледный, исхудавший, словно голодал безмерно, и лицом не видный: мелкий, чернявенький – явно непородистый. Зато в тот же день проявил себя при отражении очередной атаки неприятеля. Первым пошёл в наступление, опередив даже Медведева, последним возвращался, пока пулемётчики прикрывали отход, помогая нести раненого бойца. В общем, проявил себя, за спинами не прятался. И после не сразу покинул расположение. Отобедал вместе со всеми, поспрашивал, кто откуда прибыл, и, когда собрался уходить, сказал. Словно извинился: «Надо в другой опорник заглянуть...» Перед его уходом к нему подошёл Медведев:

– Товарищ лейтенант, разрешите обратиться?!

– Обращайтесь!

– Рядовой Медведев. Хотел спросить: долго мы ещё будем туда-сюда по полю бегать? Пока был снежок – это даже в радость, а ведь теплеет на глазах, распутица наступит – не будет того удовольствия.

Зимин осмотрел стоявшего перед ним рядового и спросил встречно:

– А вы что, удовольствия ищите в войне? И почему вы обуты не по уставу?

– У нас тут все, кто в чём: кто в кирзачах, как я, кто в резиновых утеплённых – берцы для парадного марша бережём, да и не особенно постоишь в них в карауле на морозе! Между прочим, в недавние времена караульным валенки и тулупы выдавали.

– Ответ принимается... А то, что топчемся на месте, таков пока приказ, а он, как известно, в армии не обсуждается. Но вы не переживайте – успеете, навоюетесь, а скоро и в настоящее дело пойдёте. Ответ понятен?

– Так точно! – отрапортовал Медведев, хотя ничего не понял из отговорки лейтенанта.

Всё прояснилось на следующий день, когда Зимин появился в блиндаже с новым командиром роты. Это уже что-то значило и подтверждало слова лейтенанта, сказанные накануне Медведеву. Построиться в шеренгу в блиндаже невозможно, поэтому стояли кто где мог. Сперва по стойке «Смирно», потом, когда прозвучала команда лейтенанта «Вольно», переминались с ноги на ногу.

В командире роты чувствовался бывалый мужик, ну и командир соответственно: крепкий, статный. В годах, правда, под глазами мешки. Глаза серые, умные, лоб высокий. Такого слушать и слушать. «Родственная душа старой закваски!» – подумал о нём Медведев и покопился на Землякова, стоявшего сзади, подтолкнул его, поставил впереди себя, шепнул: «Слушай!»

– Бойцы, должен вам сообщить, что из вашего взвода необходимо отобрать 15–16 человек для специального задания; из каждого отделения по группе. Задание ответственное и важное, сопряжено с риском для жизни. Дело добровольное. При этом имеются ограничения по росту и весу. Требуется выносливые, прежде всего невысокие, крепкие и здоровые. Поднимите руки!

Подняли все.

– Это хорошо, что вы так настроены, но всех нельзя зачислить в эти группы по указанным выше причинам, а также по причине невозможности нарушения боеспособности на вверенном нам участке. Чтобы этого не произошло, взамен временно командированных вам на подмогу прибудет подкрепление. Но всё это будет завтра. Итак: критерии отбора вам названы, он будет производиться с рекомендации, прежде всего, ваших непосредственных командиров, а в вашем взводе таковыми являются лейтенант Зимин и сержант Силантьев. Сегодня он подаст список отобранных, и это будет считаться началом операции. Ваш командир взвода настаивал на своём участии, но он только что из госпиталя, переболел пневмонией, и принято решение его не привлекать. Ему и здесь найдётся применение. Желаю удачи!

Ротный в сопровождении Зимина покинул блиндаж, пригласив с собой Силантьева. Его не было, наверное, полчаса, а когда вернулся и задвинул за собой плотный брезент, служивший дверью, то, взявши блокнот и авторучку, спросил у Медведева:

– Кто у нас спрашивал вчера у взводного о переменах? Рядовой Медведев? Что ж, дождался Медведев перемен. Его первым и записываю. Не против?

– Никак нет. Тогда и Землякова приплюсуйте, мы с ним земляки.

– Согласен. Вы оба хороши, успели проявить себя. Записываю и его. Он как раз самый подходящий, пронырливый. Ещё записываю себя, но я буду командовать ещё двумя другими группами из нашего же взвода. Почему такие малые группы? Потом узнаете, когда ознакомитесь с приказом. Не в обиду «старикам» прибавляю к нам Владимира Громова и Павла Букреева. Оба воюют не первый месяц, оба после лёгких ранений возвращались в строй – проверенные бойцы. Вы не против такого внимания? – спросил он у них.

– Только «за»! – почти хором подтвердили те согласие.

– Это хорошо, что вы такие дружные, а другие нам и не нужны.

Приглядываясь к радостной суете сержанта, Земляков переглянулся с Медведевым, а когда все более или менее успокоились, негромко сказал Михаилу:

– Что-то серьёзное затевается... Судя по всему, ударный кулак собирают!

– Ладно, не трусь, – улыбнулся Медведев, – прорвёмся.

– А я теперь только и буду думать об этом. Уж быстрее началось бы! – вздохнул Сергей. – Знать бы ещё, что именно.

Далее разговор сам собой прекратился, говорить, не зная о чём, не хотелось. Оба они теперь внимательнее присматривались к Громову и Букрееву, зная теперь, что они в скором времени будут с ними локоть к локтю. А что, сержант правильный выбор сделал. Ребята оба невысокие, крепкие и немногословные как, например, Медведев. Это тоже важно. В последние дни Земляков замечал за ним излишнюю болтливость. Со своими это ладно, а зачем сегодня лейтенанта стал донимать вопросами. Не в том они положении, чтобы дискуссии устраивать. Война идёт. Здесь всё просто: вопрос – ответ, вопрос – ответ, и не более того. А ля-ля разводить надо в другом месте.

В душе слегка осуждая товарища, Земляков всё-таки понимал его, помня, каким он был в первый день: не подступишься и слова не вытянешь, а теперь-то другим человеком стал, после того как раскрыл душу, смыл с себя морок мести за сына, превратился в обычного бойца, хотя и немного безбашенного. В атаки первым ходил, отгоняя нацистов, не гнулся, не прятался в воронках при обстрелах – вёл себя в общем-то безрассудно, но эффективно, успев задвухсотить немало противников. «Что ж, везёт тому, кто везёт, говорят о таких у нас в Степном, но всему край есть, – подумал он. – Об этом тоже помнить необходимо». Действительно, Сергею иногда хотелось одёрнуть Михаила, как-то повлиять на него, напомнить, что не в том они месте, чтобы безбашенного духарика из себя строить. Надо голову, прежде всего, на плечах иметь, а не пустую костяшку, хотя и её пуля иной раз не жалеет.

Какое-то время они не говорили, обдумывая новость, в которой более всего мучила неизвестность. «Неужели трудно при всех сказать, объявить о готовящейся операции – ведь все же свои! – думал он. – А то предложили дать согласие, поднять руки, мы и подняли всем стадом, а получается, что каждому по коту в мешке продали. Понятно, что ротный не будет просто так спрашивать согласия. Значит, что-то сверхсложное затевается, такое, что не для всех оно ушей, не каждому дано узнать ранее времени. Это правильно, так и должно быть, но как избавиться от волнения, от которого наплывали бурные мысли, если они тревожили, не позволяли успокоиться, корявым заусенцем цепляли и цепляли душу!»

Пока они томились мыслями, пришло сообщение от наблюдателей о засуетившихся нацистах, хорошо видных в конце поля. Опять они затевали атаку, и это подтвердил миномётный обстрел, которым они отгораживались. Зная их тактику, можно было предположить, что они спешат выдвинуться, но миномётчики с нашей стороны ухо остро держали, и вскоре мины полетели и в их сторону, и было не понять, кто стреляет и в кого, как вычисляют, где свои, а где чужие. В какой-то момент разрывы мин прекратились, и дозорные доложили, что противник совсем рядом. Стоило сержанту убедиться, что это так и есть, он торопливо крикнул:

– Отделение, к бою!

И тотчас они повывскакивали из блиндажа, заняли в окопах места, понимая, что проморгали сегодня их появление, и тем ожесточённое начали лупить чуть ли не кинжальным огнём, да тут ещё с флангов заговорили АГСы, сразу заставившие залечь вражескую пехоту. И Силантьев уловил этот момент замешательства у противника, тотчас вскочил на бруствер и протяжно крикнул:

– В атаку! – наверное, так, как призывали командиры в Великую Отечественную.

Вражеская пехота на какое-то время выдержала паузу, не особенно высовываясь из воронок, а потом, как по команде, они ломанулись на свои исходные позиции, до которых была не одна сотня метров. Земляков бежал вместе со всеми, стрелял на бегу, не зная: точен или нет. Зато Медведеву, наверное, надоело тратить БК и потом набивать магазины, он приостановился и с колена начал косить короткими очередями. Очередь – нацист в снегу, вторая – нацист в снегу... Он бы мог так стрелять бесконечно, но привставал, пробежал полсотни метров за убежавшими, вновь опускался на колени и разящими очередями косил самых медлительных, которые бежали, оглядываясь и отстреливаясь. Кто помоложе, те неслись, стелились как кони в галопе – таких просто не взять, их только АГСом можно догнать.

В какой-то момент среди наших возникла заминка: кто-то ткнулся в поле-луговину, а бежавший следом боец, опустился перед упавшим на колени и начал суетиться, пытаясь помочь. Чуть приотставший Медведев тоже остановился, спросил у нагнувшегося бойца, имея в виду побледневшего раненого:

– Что с ним?

– Двухсотый... Пуля в висок зашла...

– Как она могла в висок-то зайти? – удивился Медведев.

– Просто. Оглянулся или повернулся, а тут и она, сердешная... Поднимаем, возвращаемся назад.

К ним подбежали ещё два бойца, схватили автомат убиенного, вцепились кто за руку, кто за ногу и, пригибаясь, понесли его с поля боя, и Силантьев с бойцами прикрывал их огнём. Когда собралась группа, в воздухе загудели дроны. Медведев попросил замену и опрокинулся спиной на мягкий снег и, прицелившись, прошил один дрон, взорвавшийся в воздухе, и второй, спикировавший к нашим окопам, но не долетевший и тоже громохнувший взрывом. Когда же Михаил завалил третий, от которого полетели ошмётки и он, кувыряясь, беззвучно спикировал на луговину, то вражеские дроны вдруг пропали, а Михаил какое-то время лежал на подтаявшем снегу, радуясь синему небу над головой и чувствуя, как дрожат руки от напряжения и радости. И лишь один дрон висел в высоком небе, видимо, разведчик, и дронвод его, наблю-

дая мелькнувшую картину, наверное, радовался вместе с Михаилом. И Медведев вспомнил, что сегодня началась весна, что продолжается круговорот времён в природе, и он вспомнил свою Валентину, общего с ней ребёночка, который четвёртый месяц живёт в ней. «Томится она сейчас в своей библиотеке и знать не знает, что я её вспоминаю, погибшего Димку вспоминаю и глаза мои мокрые от слёз!» – подумал Медведев.

Когда он поднялся, бойцы были довольно далеко, но он не спешил их догонять, и подлые дроны не решались к нему подлететь, и где-то на чужой стороне снайпер прикусил язык, раздумывая, что делать с этим оторвой, которому и дроны нипочём, и пулей его не взять на таком расстоянии. Быть может, не критичном для снайпера, но и мазать не хотелось.

Когда разгорячённые вернулись в окопы, настроение у всех на нуле. Даже не помогло геройство Медведя. И казалось, что Силантьев огорчился более всех при виде погибшего. Когда бойца занесли в блиндаж, сержант сказал, сняв с потной головы каску:

– Ребята, это Букреев. Записал в список на спецоперацию, и вот его не стало. Почтим память... – Кто сидел, молча поднялись, все вместе безмолвно застыли, после чего Силантьев, вздохнув, связался с комвзвода:

– Товарищ лейтенант, у нас двухсотый... Из списка. Предлагаю замену. Запишите: вместо выбывшего Павла Букреева Виктора Карпова. Согласие получено... Пришлите эвакуацию.

6

Если бы не гибель Букреева, то настроение было бы окончательно весенним, а так оно смазлось, особенно, когда примерно через час блиндаж накрыл прилёт дрона, видимо, в отместку за недавнее геройство Медведева. Хорошо, что вход в блиндаж защищён с боков мешками с землёй, а сверху к нему с двух сторон ведёт коридор из сеток. Так что от взрыва пострадала лишь часть сети да посекло несколько лопат недалеко от входа. В общем, эта атака лишний раз напомнила, что расслабляться рано. К тому же Земляков свои три копейки вставил:

– Ты чего геройствуешь?

– Думал от тебя благодарность услышать.

– Да, за дроны – спасибо, а благодарность тебе будет лейтенант объявлять. Зачем потом красовался, снайперов дразнил. Они злопамятные, запомнят тебя, такого храброго, и будут охотиться, тем более знают, в какой норе скрываешься.

– Теперь чего же и не дышать?!

– Я тебе сказал, а ты подумай над словами, не брыкайся. Ты живой нужен жене и будущему ребёнку. Я хоть и младше тебя на пару лет, но ты ко мне прислушайся.

– Ладно, считай, что прислушался.

– И не делай одолжения...

Медведев не обиделся на товарища: всё правильно он говорит. Лишний риск ни к чему в любом деле, а на войне – тем более.

– Ладно, считай, что принял твою заботу и оценил её. Чего дальше-то делать?

– У сержанта спроси.

– Мы пока к «секретному» заданию приготовились бы.

– Приготовишься. Успеешь. Бойцу подготовиться, только подпоясаться.

Они поругивались, но не свирепо, и Медведев даже радовался за Земляка: «Вот настоящий товарищ! Иной бы промолчал, а у этого душа болит!»

До ночи они томились в блиндаже, обошлось без новой атаки нацистов, и хоть это радовало. Правда, вечером сержант приказал всем, кто попал в список, проверить амуницию, оружие, из документов – только воинский билет и жетон и быть готовым к завтрашнему утру.

Перед рассветом в тыл блиндажа подъехала затёрханная «буханка» и остановилась в кустах, где к этому времени собрались 15 бойцов из трёх отделений. Без лишних вопросов они мигом набились в машину, и, тяжело проседая, она запетляла вдали от посадки, где могли быть мины, хрустя подмёрзшим за ночь снегом. Ехали без фар. И всего-то минут десять – пятнадцать. Остановились около другой лесопосадки, у малозаметного прохода, занавешенного сетями и наклонным входным проёмом, словно в нору. Спешились, машина сразу ушла, а они зашли то ли в помещение, то ли в ангар, и в предрассветной мгле дальних контуров его видно не было. Они пошли по длинному полуподземному коридору с накатом из брёвен и досок и метров через триста остановились, расположились вдоль стен, где сидеть – сплошное мучение. Вскоре в них подошёл вчерашний военный в камуфляже с тяжёлыми складками вокруг рта и мешками под глазами. Когда они построились по приказу лейтенанта Семибратова из второго взвода, представился:

– Кто не знает, напомним: я – командир штурмовой группы. Позывной «Спутник». Больных, астматиков нет? Клаустрофобией, то есть боязнью замкнутого пространства, никто не страдает?

– Никак нет, – ответили нестройно.

– Все добровольно прибыли?

– Так точно!

– Перед вами, бойцы, поставлена непростая задача – проникнуть по газовой трубе на несколько километров в глубокий тыл врага, занявшего нашу территорию, в район города Суджа. Труба диаметром 1420 миллиметров, то есть менее полутора метров, так что придётся идти 14–15 километров пригнувшись, а где-то и на четвереньках пробираться, когда устанут ноги. К тому же в трубе имеется остаточная загазованность, хотя её проветривали и заполняли кислородом, но всё равно, по расчётам специалистов, воздуха может не хватать, особенно при большой скученности бойцов и вдали от вентиляционных отверстий, пробитых в трубе через километр-полтора. Поэтому передвигаться будете группами по пять человек с дистанцией в два метра и десять метров между группами. Не скрою, испытание вам предстоит тяжёлое, рассчитанное на несколько суток. Поэтому, пока не поздно, можно отказаться от него, никто вам за это и слова не скажет. – «Спутник» замолчал, осмотрел притихших бойцов. – Вижу, что отказников нет, поэтому вам необходимо сейчас подготовиться и обновить экипировку. Вы получите индивидуальные фонарики с запасными батарейками, индивидуальные рации, перчатки, наколенники, на всякий случай респираторы, а также запасётесь водой и минимальным запасом еды. И ещё: вам необходимо по возможности облегчиться, здесь имеется туалет, потому что, сами понимаете, в трубе удобства не на каждом шагу. И ещё одна просьба: не пользоваться телефонами, если они у кого-то остались с собой, тем более что телефонная связь в радиусе 25 километров подавлена. Не скрою, испытание вам предстоит суровое, связанное с опасностью для жизни, тем значимее будет, не побоюсь этого слова, ваш подвиг. Во все времена российские воины отличались выносливостью, силой духа при выполнении поставленного задания. Справитесь и вы. В этом нет никаких сомнений.

От речи «Спутника», от его пожелания бойцы притихли, незаметно поглядывали друг на друга, желая угадать впечатление от его слов, но все они молчали, каждый переваривая услышанное в себе. Понять их можно. Они вспоминали детей, родителей – каждый по-своему. И, наверное, никому и в голову не взбрело прилюдно отказаться, высказать сомнение и перед товарищами выставить себя трусом. После минутного оцепенения они зашевелились, начали веселее переглядываться, желая сравнить свои чувства с чувствами товарищей. Уж какую пользу принесло это сравнение – бог весть, но, переглядываясь, они словно впрок запасались взаимной поддержкой, а будет поддержка, будет и уверенность в себе и своих силах.

Они, наверное, час суегились в подземном коридоре, расположенном рядом с имитацией окопов, занимались подгонкой фонариков на касках, заново укладывали рюкзаки. Кто-то спросил из группы сержанта Силантьева, назначенного старшим взводной группы, из-за отсутствия по болезни лейтенанта, сколько можно взять воды, на что тот ответил:

– Сколько угодно, хоть упаковку, только как её тащить?

– Вы-то сколько возьмёте?

– Пока не знаю, но думаю, на двое суток надо запастись. То есть две полторашки. Только учтите, что будете не на прогулке в парке, а придётся попотеть, и, думаю, изрядно. Так что вода пригодится. К тому же пустые бутылки можно будет использовать по иному назначению. Главное в этом походе – не обжираться и вообще забыть о еде. Пить понемногу можно, есть нельзя. Понятно, о чём речь?

Никто ему не ответил на вопрос, но все всё поняли. Постепенно бойцы разговорились, видя, что прибыла новая группа, и не одна. Значит, не будут они в одиночестве, а собираются в единый кулак. И это прибавляло уверенности, что не одни они такие, кого привлекли к этой операции. Они раза два перебирались с места на место поближе ко входу в трубу, и чем ближе был этот вход, тем нервозней становилась обстановка. Кто-то, наоборот, начал дурачиться. Наденет иной боец респиратор для проверки, а кто-то ему кислород перекроет. Подопытный начинает брыкаться, срывать с себя маску, а когда освободится, то зверски пообещает:

– То же самое сделаю с тобой в трубе! Посмотрим, как ты скакать начнёшь.

Двое даже чуть не поцапались, но вовремя одумались.

– Не переживайте, мужики, – кто-то осадил их. – Не тот это случай. Мы все сейчас, как перед первым прыжком с парашюта: вроде страшно, но страх до конца неизвестен. Поэтому и прыгается легко, а вот при втором прыжке коленки дрожат при посадке в самолёт и начинается мандраж. Поэтому второй прыжок и считается самым сложным, а все последующие – легче лёгкого.

– Откуда знаешь?

– Сам когда-то прыгал.

– Десантник? А почему тогда к пехоте прибился?

– Ныне десант – это та же пехота. Это когда-то она называлась крылатой, а ныне всё изменилось. За три года СВО была хотя бы одна по-настоящему десантная операция? И не вспоминай – не было. А почему? А потому что при нынешней ПВО самолёт с десантом – это первейшая цель для самой захудалой ракетки. Самолёт можно даже дроном сбить, а значит, легко сотню-другую бойцов погубить.

– Ладно, говоруны, наговорились, – прервал их болтовню сержант Ярик. – Вспомните слова «Спутника» и ещё раз подумайте: всё ли я сделал так, как он говорил. По-моему, всё подробно разжевал. Сейчас наша очередь, так что остаёмся в трубе на связи: и визуальной, и радио. Рациями не балуемся – бережём батарейки. Все остальные вопросы по мере их поступления.

Они поднялись, выстроились, сержант пересчитал их, и они продвинулись к тому месту, от которого уже было видно разрытое пространство в земле и край толстенной, блестящей отшлифованным металлом трубы толщиной в палец.

– Видел? – негромко спросил Земляков у Медведева, толкнув его локтем.

– Ну и что?

– А то... Вместе первыми пойдём – воздуха больше будет. За мной становись.

Медведев сперва ничего не сказал, а потом отозвался, будто вспомнив чего-то:

– Не будь кроильщиком.

– И не собираюсь, а первым всё равно легче идти.

Их короткие реплики сами собой закончились, когда, перекрестившись, Земляков шагнул к чёрной дыре в трубе. Сергей всё утро почти ни с кем не говорил, ничего не обсуждал, все его мысли сшибались в душе, и он не успевал следить за их калейдоскопом, становившимся всё более насыщенно цветным и многогранным. Его мысли превратились в протуберанцы, они извивались, наслаивались, собирались в пучок, а то вдруг рассыпались на многочисленные всплески, подобно кипящей лаве в жерле вулкана. Он пытался успокоить мысли, но они вновь и вновь возвращали на родину, в Степной, где жили и ждали его родные люди – жена Катя и его способный сын Григорий, любитель олимпиад по математике. Они сейчас находились далеко от него и ничего не знали, какое испытание предстояло перенести их мужу и отцу – и завтра, и, наверное, в течение ещё нескольких последующих дней... Вот он уже в начале этого испытания, сделает один только шаг и окажется в преисподней, где всё по-иному, где ждёт неизвестность, и единственное, что его успокаивало в этот момент, это то, что он не один, а с ним рядом будут и сержант Силантьев, и Медведев, и бойцы Громов с Карповым, включённым в группу после гибели Букреева. Он пока мало их знал, за исключением разве Медведева, но теперь наверняка они станут ближе, доверительнее, даже самый молчаливый из них – Громов, никак не оправдывающий свою фамилию. И вот они все вместе, и не так боязно сделать первый шаг. И Земляков его сделал, пригнувшись и ступив на пока освещённый берег трубы.

– Вперёд, Земляк! – сказал как приказал Силантьев. – Я буду с третьей нашей группой. Обращаемся для краткости друг к другу позывными. В случае чего всегда буду на связи.

«Вот и началось!» – подумал Сергей, когда осторожно спустился вниз и почувствовал себя в другом измерении, сказал, сам себя подбадривая: – С Богом!»

7

Странное и пугающее зрелище открылось Землякову в первый момент погружения в трубу, не такую уж и узкую, но пригнуться пришлось. Другое заставило съёжиться – запах газа, мазута и ещё чего-то непривычного, от чего сразу зашекетало ноздри, словно он оказался в бочке из-под керосина. Недалеко от входа горел фонарь, он на несколько метров освещал пространство трубы, но далее притаился мрак и лишь где-то далеко впереди мелькали едва заметные блики фонарей. В свете своего фонаря Земляк сделал шаг, другой, третий – мелькнула мысль: «А что, если все шаги сосчитать?!» – но он лишь усмехнулся над собой и сделал четвёртый, пятый. После десятого перестал их считать, приостановился, спросил у Медведа, заслонившего собой светившийся входной проём трубы:

– Ты как?

– Живой пока. Спроси об этом в конце дня... – не особенно желая говорить, буркнул Медвед, и Земляков понял, что теперь ничего не остаётся, как считать и считать шаги.

Он достаточно быстро досчитал до ста, потом счёт начал снова, и так до пяти раз. Когда закруглился на пятой сотне коротких шагов, то приостановился, почувствовав, что вспотел, спросил у Медведева:

– Как там наши?

– Идут, сопят.

– Передохнём?

– Можно... Только на расстоянии друг от друга.

Они опустили на колени, и Громов с Карповым за ними. Следующие две группы тоже остановились перевести дух. Карпов щёлкнул зажигалкой, радостно сказал:

– Горит! Кислород есть, жить можно. Вот только курить нельзя.

Подожёл Силантьев, спросил у Землякова:

– Как самочувствие?

– Пока терпимо.

– Как наши?

– Идут пыhtят, стараются дистанцию держать. Но дальше будет труднее: вход пока недалеко, да и труба только-только заполняется бойцами.

– Медвед, как у тебя самочувствие? – спросил сержант.

– Не в лесу сосновом находимся, но терпеть можно. Если так будет до конца, то выдержим. Вот только калаш мешается, а более магазин да рюкзак. А мы сейчас сделаем так: магазин отстегнём, а рюкзак на грудь переместим, а то цепляю им за трубу.

Медведев снял разгрузку, рюкзак, попробовал перевесить его на грудь – лямки с плеч сползают.

– Не, мужики, мутата получается. Пусть остаётся как есть. А вот магазины и вам бы надо отстегнуть, а то по ногам долбят. Стрелять-то здесь так и так не в кого.

– А что, вправду долбят! – согласился Громов и сразу отстегнул магазин, затолкал его в рюкзак.

Все из группы хоть по слову, но сказали, лишь Карпов отмолчался.

– А ты, Карп, что молчишь? – спросил у него Силантьев.

– Да слов нету, одни слюни...

– Или жалеешь, что подписался под это дело?

– Жалеть не жалею, да и поздно жалеть. Не переживай, сержант, от других не отстану.

– Ну вот и прекрасно. Все, поговорили. Передохнули, напряжение сняли, сделайте по маленькому глоточку воды и можно далее двигаться.

Силантьев вернулся к другим группам, а Медведев сказал Землякову:

– Первым пойду, а то ты еле плетёшься!

– Иди, – не стал противиться Сергей. – Далеко всё равно не уйдешь.

Они поднялись с колен и продолжили движение.

Земляков привычно начал счёт до ста и, когда закончил отсчитывать пятую сотню, спросил у Медведя:

– Может, привал?

– Погоди. Ещё немного пройдем. Впереди должна быть отдушина пока на нашей земле, а то далее жди, когда ещё будет.

Они было продолжили движение, но подал голос Карпов:

– Вы как хотите, а у меня привал!

– Не получится. Или все идём, или все отдыхаем. Через тебя замучаешься переступать.

– А если у меня нету сил дышать, лёгкие горят.

– Потерпи, – начал вразумлять того Медведь. – Могу сказать, что осталось немного до отдушины, вот там посидим возле неё и подышим. А пока через респиратор хрипи.

– Пробовал. Ещё хуже было.

– Тогда терпи. Назад уже хода нет, надо ранее было думать.

Подожёл Силантьев:

– Ну, что тут у вас? В чём загвоздка?

– Да так... Ничего особенного, – ответил Медведев. – Дальше идём, скоро отдушина.

– Сейчас бы закурить... – вздохнул Карпов.

– Думай. Что говоришь-то, рядовой?! Может, тебе ещё сто пятьдесят и огурчик? Так что о табаке забудь до конца трубы.

– Понятно.

– Что тебе понятно?

– То, что дело – труба!

– Вот, спрашивается, кто тебя за хвост тянул, когда ты согласился на участие в операции?

– Никто не тянул...

– Тогда и помолчи. Не ной и будь мужиком.

Карпов более ничего не ответил, и чувствовалось, что он остался недоволен разговором.

«Вот развели здесь детский сад! – злился Силантьев на Карпова. – Вроде не первый месяц воюет, нормальный мужик, а теперь ему шлея под хвост попала. Ну, потерпи, милоч, сам небось запрягал, самому и терпеть». Чтобы не продолжать пустую болтовню, Силантьев сказал, словно попросил:

– Ну, что, мужики, дальше пойдём?!

Все молча поднялись с колен, поправили рюкзаки, автоматы.

Впереди Медведев, и шёл, надо сказать, так, что сразу оторвался, отчего Земляков попытался осадить его:

– Куда ты ломанулся-то? Не в гости к теще идёшь!

– Раньше сядешь, раньше выйдешь! Вот поэтому и ломанулся, – не оглядываясь, высказался Медведев и зашагал так, будто за ним собаки гнались.

«Ну, беги, беги, – подумал Земляков. – Далеко не убежишь».

Плохо ли, хорошо ли, но Медведь первым из взводных групп оказался у отдушины. Он распахнул на груди куртку, дышал во всю грудь и любовался в окошко размером с блюдце; небо было серое, но оно показалось ему синим.

– Чего ты там увидел? – спросил подошедший Земляков.

– Небо, воздух... Ты только вздохни.

От счастья Земляк чуть ли не заткнул головой отдушину, но Медведев потеснил его:

– Не борзей!

– Хоть два глотка сделал настоящих.

Все собрались у отдушины, и никто более не разговаривал, успев понять и оценить цену чистого воздуха, не тратя силы на болтовню. Кто-то знал, а кто-то лишь догадывался, что далее комфортнее не будет, если уже сейчас чувствовалась нехватка кислорода и всё труднее становилось дышать, но никто об этом не говорил, не жаловался, если не считать недавнее ворчание Карпова. Теперь он молчал и этим немного успокоил других, а главное – Силантьева, которому совершенно не нужны разборки среди бойцов. «Вот тоже пристегнул к группе на свою голову, – думал Силантьев о Карпове. – Вроде мужик на вид вполне надёжный, а оказалось, что внутри он с гнильцой. Пока обстоятельства позволяли – держался, а как накатило, так и сразу распустил нюни: „Дышать ему тяжело! Курить хочется!“ А кому здесь легко? Всем тяжело! И это, надо думать, только начало. Что теперь оставалось делать в этой ситуации, как поступать? Только одно: действовать не окриком, но уговором. Все разборки будут потом, а сейчас надо терпеть самому и заставить, если не удастся, – научиться этому других».

Минут пять они дышали более или менее свежим воздухом, и Силантьев расшевелил их:

– Подъём, мужики! Всю жизнь на коленях не простоите. Надо вперёд идти, да и другим дать возможность подышать, – сказал он, заметив теснившуюся группу.

И опять Земляков считает сотню за сотней. Потому что договорились делать короткий привал через пятьсот коротких шагов. А что: очень удобно. Посчитал до пятисот – привал. Ещё пятьсот – опять привал. Попалась отдушина – задержались, подышали.

Вот только у второй отдушины, у которой они остановились, стараясь не шуметь, потому что она была уже на территории, занятой врагом, они не на корточках мостились, не желая испачкаться, а сидели, прислонившись спиной к трубе и вытянув задеревеневшие ноги. И желание болтать почему-то пропало, словно они давно обо всём переговорили, и даже Карпов не произнёс ни единого капризного слова. «Вот как жизнь быстро учит, – подумал Силантьев, взглянув на сидевшего с закрытыми глазами недавнего ворчуна, которого не пришлось учить уму-разуму и что-то доказывать. – Сама обстановка обтесала».

После второй отдушины начало капать с потолка – ощущение не из приятных, когда за шиворот бьют ледяные капли конденсата от дыхания. Подняли капюшоны. От одной беды спаслись, зато появилась другая: ноги с непривычки почти не сгибались, а если и сгибались, то подламывались. Поэтому приходилось ниже гнуться, ступать чуть ли не на прямых ногах, поднимая пятую точку к потолку. И пить стали чаще, что обеспокоило Силантьева.

– Мужики, – повторял он раз за разом. – Только полглоточка на остановках. Иначе нам действительно труба. Воды нет, а где она припасена, до того места сперва дойти надо, и вся она расписана, законтрактована, так сказать. Так что терпите и вообще не думайте о ней. А то, чем больше думаете, тем больше пить хочется. Пить не будете, и потеть не с чего; потеть не будете, пить не захочется. Всё взаимосвязано в природе.

Его слушали, но никто не отзывался, и тем неожиданнее было услышать голос молчуна Громова.

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдёт, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым, —

тихо запел он.

Услышав есенинские строки в его исполнении, Силантьев, хорошо знавший Громова, не согласился:

– Будешь, Володя, будешь. Ты и сейчас не старый. Вот закончится война и найдёшь ты себе зазнобу, и влюбишься в неё без памяти, и родит она тебе кучу детишек, и будешь ты самым счастливым человеком на земле. Так и знай. Законно тебе говорю!

Силантьев помнил историю Громова, из-за которой он и подписал контракт с Министерством обороны: демобилизовался со срочной, а его девушка вышла замуж, и не мог он спокойно смотреть на молодожёнов, потому что жили они на одной с ним улице, в одном с ним посёлке. Не мог их терпеть рядом. И вот теперь, негромко декламировав стихи, он, наверное, имел себя в виду, но неожиданно так же негромко сказал:

– Ну, что, братья, путь на Суджу открыт. Надо идти, пока молодые.

И все стали подниматься, словно по приказу командира.

8

Строчка из есенинского стихотворения не давала покоя Землякову: сверлила и сверлила мозг. Не такой уж он знаток поэзии, но даже он сейчас услышал в этих строках невыносимую грусть, столько в ней слышалось печали и упадничества, будто не прощание с молодостью поэт имел в виду, а близкую встречу с неминуемой кончиной... А в их теперешнем положении думать об этом категорически нельзя. Есенина понять было можно – в трудной ситуации находился, когда над ним сгустились тучи непонимания от враждебных сил, окружавших его в ту пору жизни, но это сейчас никак не относилось к ним. У них другая задача, поэтому и мысли должны быть другими, только такими, какие есть: пройти свой нынешний путь и, преодолев любые трудности, выполнить поставленную задачу. И неважно, какой она будет.

Он шёл шаг за шагом и твердил про себя строчку: «Я не буду больше молодым... Я не буду больше молодым» – и жалел, что услышал, что вспомнил, но вспомнил в неподходящий момент, когда нужно что-то иное услышать, о чём-то другим думать. Но как бы то ни было, а Громов заинтересовал своей необычностью. То молчал человек, а то открылся и душу с места сдвинул. Поэтому на очередной остановке он спросил у него:

– Володь, ты кто по профессии или образованию?

– Колледж культуры окончил. Клубный работник. Сразу после колледжа в армию призвали. Отслужив, вернулся в посёлок, думал, буду работать вместе с Наташей в районном Доме культуры, а она уже там же работала с мужем, баянистом-переселенцем. Я посмотрел-посмотрел на такое дело и решил не мешать им. Подписал контракт, отправился на СВО.

– Хотя бы поговорил, попытался выяснить что-то у неверной Наташки?

– А зачем. Что мне нужно было делать – на колени перед ней упасть? Как говорится, насильно мил не будешь.

– Но ведь из души-то не вычеркнешь просто так, если любишь.

– Уже вычеркнул. Значит, не любил.

– Вряд ли, если продолжаешь думать о ней, стихи грустные к языку прилипают.

– Это по привычке.

– А привычками мы и живём, голова садовая.

Они прервали разговор, сидели молча и старались глубже дышать, понимая, что разговор перебивает дыхание, мешает ему. «Но мыслям-то не мешают, – думал Земляков, – даже наоборот – очень помогают забыть о своём состоянии, о рези в горле, о появившейся боли в лёгких. Обычно вдох и выдох не замечаешь, так же, как и работу сердца, а те, кто страдают, например как страдала мама аритмией, постоянно чувствуют его». Земляков вспомнил Нину Степановну, как она, бедняжка, страдала от неё, укоротившей её жизнь. В 65 лет не стало, уж три года прошло, а, всё кажется, только вчера это было. Он хотя вспомнил маму, но подумал, что почему-то лишь печальные мысли и воспоминания приходят на ум. Отчего это? От их теперешней экстремальной ситуации или от ничем не занятой головы, когда мысли в неё легко заходят и так же, бывает, легко выскакивают.

Он постарался более ни о чём не думать, но неожиданно новая мысли всколыхнула, когда вспомнил о себе, о том, как попал на фронт. Выслушав Громова, он сравнил его историю со своей, пусть и не сравнимой по фактам, но в общих чертах-то они схожи по мотивам, не очень-то привлекательным. Получалось, что у всех свои «беды», как у него самого в виде долгов перед банком, которые для участников операции могут быть отсрочены, но которые когда-нибудь, а оплатить придётся, как у того же Громова, отправившегося воевать из-за несчастной любви, или как у сержанта Силантьева, которым управляет и дуёт в уши жена, как понял Земляков. Только у Медведева иной мотив – месть за погибшего сына. Он пока не знал, что толкнуло на фронт Виктора Карпова, но сдаётся, что и у него какие-то вынужденные обстоятельства. «Вот

и получается, – думал Земляков, – что большинство нас здесь собралось не по доброй воле, какой-то крайний случай заставил это сделать. Но почему тогда это большинство, если можно так сказать, подневольных нисколько не тяготятся этим обстоятельством: не хитрят, не юлят. Спросили у них, кто готов идти на спецоперацию, – все согласились. Другой вопрос, что отобрали не всех, а так-то проявили душевный порыв, не заставили себя упрашивать, соглашаясь, например, за дополнительное вознаграждение. Нет, никто и не подумал об этом. Или у русского, а шире – российского народа так устроено сознание, что всего беды и невзгоды, томящие в обычной жизни, в грозное время заставляют сплачиваться, не отсиживаться за спинами, когда человек забывает о самом себе, бьётся за общее дело». Подумал Земляков ещё и о том, что много, очень много и таких, кто всеми неправдами пытается спасти свою душонку, будто спасётся навсегда. Конечно, кому-то удаётся это сделать на время, но к большинству рано или поздно приходит расплата, и формы этой расплаты разные, но все они не в пользу пугливых зайцев, которые бегают и бегают, а всё равно в конце концов оказываются в чьих-то зубах... Мысли, мысли – они, как и труба, нескончаемы. И сколько ни пытайся избавиться от них, они становятся лишь прилипчивее. Гонишь их, а они сильнее приклеиваются.

После четвёртой, кажется, остановки вдруг взбунтовался Карпов, когда уселись вдалеке от отдушины. Увидев подошедшего Силантьева, он слёзно и тихо попросил, не желая шуметь у отдушины:

– Товарищ сержант, разрешите закурить? Только две затяжки. Ребята не против!

– Он спрашивал у вас? – поинтересовался Силантьев.

Все промолчали.

– Ну, вот видишь. Хотя молчание – знак согласия, но врать всё равно нехорошо.

– Пусть закурит, – неожиданно сказал Медведев. – А то он весь мозг проест.

– Две затяжки... Не более... – нехотя согласился Силантьев.

Карпов сразу засуетился, достал сигареты, зажигалку, но щелкнул раз и другой, а она не загорается.

– Отставить! И не пытайся более! – прорычал сержант. – Кислорода совсем не осталось, а он пытается последний сжечь.

Карпов вздохнул, сломал сигаретку, убрал зажигалку. Он не сказал более ни слова, но выдал своё состояние заблестевшими от слёз глазами, особенно заметных в свете фонаря.

– Терпи, Витя! – понимающе сказал ему Медведев. – Не один ты здесь такой.

Когда обстановка более или менее успокоилась, Земляков негромко спросил у Михаила:

– Себя имел в виду, сказав: «Не один ты здесь такой»?

– И себя, и других. Я сразу понял, что к чему, и избавился от сигарет. Нас, наверное, здесь полтысячи, и представь, что будет, если все засмолят?!

– Хватит болтать! Дождётесь, что укры вычислят и уничтожат. Для этого и делать-то особенно ничего не надо: канистру бензина вылить в отдушину и поджечь. Море шашлыков будет! – чуть ли не прорычал Силантьев.

На знобкое предостережение сержанта никто не отозвался, мало-помалу поднялись, уступая место следующей группе. Земляков по-прежнему считал шаги, но только теперь он оставался на счёте «триста», которого и без того хватало, чтобы распалить дыхание; чем дальше они погружались в трубу, тем чаще дышалось и сильнее колотилось сердце, и Сергей, вспомнив свою мать-сердечницу, достал таблетки корвалола, которые им раздавал санинструктор на входе; кто-то не брал, а он взял. И не прогадал. Принял одну, запив её малюсеньким глоточком воды, и вроде полегчало. Или это от самомнения и самоуспокоения. Наверное, от всего вместе, потому что одного без другого не бывает.

Единственное, что пока радовало, так это то, что потеть почти перестали, напотевшись в первый час-полтора. Теперь футболка лишь холодила и постепенно высыхала на теле. Теперь и тело казалось лёгким и живот подтянутым, лишь ноги с каждым часом деревенели всё больше.

Чтобы сменить положение, время от времени ползли на коленях, а это ещё то испытание – ползти гружёным по ледяной железяке. Кто полегче, у того и колени покрепче, а кто погрузней – не выдерживали, поднимались бойцы и потихоньку шли шаг за шагом. Они все, наверное, не отставая от Землякова, считали шаги и этим успокаивали себя, занимали голову пустым счётом, прогоняя унылые мысли.

На следующей остановке сделали большой привал.

– Полчаса на всё про всё! – пронеслось по трубе.

Привал так привал. Можно посидеть, подложив что-то под себя, вытянуть ноги и забыться. И ни о чём не говорить. Молчать и молчать, словно и нет никого вокруг, словно все так устали от собственной болтовни, что уж и сил на неё не осталось.

Труба длиннющая, и в ней постоянно у кого-то что-то случалось. Кого кашель мучил, кто в рвотных спазмах корчился. То вдруг из глубины трубы раздавались непонятные крики, которые, впрочем, быстро пропадали, словно тот, кто кричал о чём-то, вдруг перестал получать доступ к воздуху, будто захлёбывался. И чувствовалось, что живая масса людей пульсирует в трубе, и со стороны входа вдогонку притекала влажная и удушливая волна воздуха, какая бывает от скопления множества людских тел в замкнутом пространстве. И эта мутная волна разбавляла относительно чистый воздух впереди идущих, смешивалась с ней, оседала конденсатом на трубе, хрустально блестящим в свете фонариков. На какое-то время их дружно отключили, экономя энергию, до конца не зная, сколько времени придётся ещё провести в трубе. И когда трубу заполнила непроглядная мгла, то от неё стало не по себе. Это то ощущение, когда вытягиваешь руку и не видишь её, не видишь себя, товарищей, саму трубу и уж кажется, что летишь в неосязаемом пространстве, и полёт твой неуправляем и непредсказуем, потому что сам ты – бестелесное существо, неспособное ничему сопротивляться.

Состояние не из приятных, и одно лишь спасение от него: движение и движение. И они вновь недружно поднимались, отстраняясь друг от друга на два-три метра, начинали новое движение, и кто-то обязательно вёл счёт сделанным шагам. И это сделалось для них навязчивой идеей. Они не могли вспомнить общего счёта шагам, да им теперь это было и неважно. Шаг сделал, на шаг ближе к цели. Сделал второй – ещё ближе. И не беда, что куртка сопрела под броником и не хотела высыхать, что ноги при ходьбе не чувствовали дрожи, что дрожь в коленках появлялась только тогда, когда делалась остановка. Хотели передохнуть, но лишь усиливалась слабость и появлялось желание всё бросить, упасть ничком, долго-долго лежать на животе и не шевелиться.

Остановки они делали всё чаще, по подсчётам Землякова, теперь через двести шагов, отдыхали дольше и труднее вставляли с закруглённого пола трубы, если так можно выразиться, отталкиваясь рукой от кривой стенки, устанавливали себя в правильное и необходимое положение и, буравя взглядом пол перед собой, двигались далее. Есть ли окончание у их пути, конечно, есть, где-то должно быть. И пока толком они ничего не знали и не предполагали, что их ждёт впереди, после того как они преодолеют эту чёртову трубу. Труба находилась всего в двух-трёх метрах от поверхности, но им казалось, что они погружаются по ней всё дальше и дальше в преисподнюю, в царство Харона, откуда нет возврата и не предвидится. В это трудно и невозможно поверить, но иногда мнилось, что это так и будет, а все слова – это всего лишь отговорки, о которых забудут в решающий и грозный момент.

Медведев всё-таки попытался спросить у сержанта, что их ждёт в конце пути, но тот отмахнулся:

– Мне пока никто не докладывал. Не переживай, доберёмся до места – без приказа не останемся!

И более Михаилу спрашивать ни о чём не хотелось, хотя можно предположить, что приказ у них будет привычный: «Наступать, атаковать, уничтожать противника!»

Они продолжали двигаться скорее по инерции, лишь по часам зная, что день давно перевалил за полдень, близится вечер, им казалось, что они должны быть на месте, а они не прошли и половину пути, как сказал, появившийся в очередной раз «Спутник». И сказал не для того, чтобы напугать, а для уверенности, чтобы каждый боец знал, что его ждёт впереди. Он не первый раз так появлялся. Первым зайдя в трубу, он держал под контролем весь свой штурмовой отряд, состоявший из трёх групп. Чуть ли не у каждого бойца спросил о самочувствии и, похлопав по плечу, пробирался далее, а чтобы особенно не мешаться и не надоедать в движении, делал остановку с какой-нибудь из пятёрок и вроде ни о чём особенном не говорил и не к чему не призывал, но уже своим присутствием взбадривал бойцов, наполнял их уверенностью. Правда, при нём особенно не распространялись: то ли стеснясь, то ли уж не осталось сил на разговоры. Более отвечали на его вопросы. А вопросы так себе, почти ни о чём, но даже простой разговор короткими репликами помогал отвлечься, а как отвлечёшься, то и настроения прибавлялось, и ноги не так гудели, и жизнь не успевала поворачиваться кривым боком.

9

Когда уж казалось, что и сил не осталось, а ноги не шли и скручивались от судорог, прозвучала команда, пронёсшаяся по цепи: «Ночлег!» Примостились там, где шли, но тем группам, которым выпало оказаться рядом с отдушинами, пришлось переместиться на 50–70 метров дальше по ходу, либо замедлиться, чтобы исключить любую возможность выдачи своего подземного присутствия случайным вскриком во сне, либо непроизвольным громким разговором, или кашлем, громом отдававшимся в трубе, если его не прятать всеми возможными способами. Они давно продвигались по территории, занятой противником, а как-то при очередной остановке слышали у отдушин украинскую и польскую речь, после чего не останавливались рядом с отдушинами, пытались исключить любую возможность демаскировки, а если такое, не дай бог случилось, то вся операция оказалась бы перед реальной угрозой провала, а чем это грозило, понимали даже те, кто никогда ни над чем особенно не задумывался. Их бы просто уничтожили, не дав возможности выбраться на поверхность, а уж каким способом? У извергов их много, специально выбрали бы самый зверский и мучительный. Поэтому и молчали бойцы, а говорили вполголоса короткими фразами. Те же, кого донимал кашель, кашляли, прикрываясь обшлагом куртки, даже на коротке не останавливаясь около отдушин, хотя было истовое желание хотя бы разок-другой хватануть свежего воздуха. В группе Силантьева кашлял лишь Карпов, к этому часу прилюдно поклявшийся, что бросил курить, а если останется живым после этого похода, то никогда в будущем не возьмёт в рот эту заразу. Сказал вроде бы для самого себя, но его слова дошли и до всех потенциальных курильщиков, и все они сделались солидарными с Виктором в этом вопросе. Зато Силантьев возразил:

– Вот это правильно. И чтобы и мысли более не было о плохом! А то «если останется живым»? Ты хотя бы думай, Карпов, прежде чем говорить. Предсказатель нашёлся.

– Всё понял, товарищ сержант.

Разговора не получилось. Все занялись своими делами. А дело у всех одно: сделать глоточек воды, а главное, лечь и вытянуться поудобнее на дне трубы. Они ложились, вытягивались, но долго так не могли нежиться – чувствовался леденящий холод разгорячёнными телами, и были вынуждены усаживаться на сидухах вплотную, чтобы сохранить тепло распаренных тел, хотя и в таком положении старались вытянуть натруженные ноги. Плохо ли, хорошо ли, но все уюстились, притихли и первое время спали как дети с открытыми ртами. Кому-то, видимо, снились сны. Первым что-то забормотал во сне Земляков. Он, сладко причмокнув, обнял Медведева, и снилось ему, что он нежно обнял жену Катю... Вот же она, рядом: тёплая, мягкая, покорная. Какое это, оказывается, счастье ощущать рядом любимого человека, который так удачно оказался рядом. И счастье ещё и оттого, что он навсегда вернулся к ней живым и невредимым, и ничто теперь их не сможет разлучить: ни злой человек, ни жизненные обстоятельства, какими они ни будь сложными. «Не переживай, Катюш, видишь, я вернулся, я с тобой. Война закончилась, и нет теперь причины переживать обо мне, а мне о вас с Гришей. Всё наладится, и с кредитами рассчитаемся. Какие-никакие, а деньги я получу, весной успеем наше поле посеять, потом собрать урожай. Только на картошке крест поставим: и хлопот больше, и рентабельность слабая, а пшеницей заниматься – самое то. Выгодная культура». В какой-то момент сон его прервался, он почувствовал, что задыхается, очнулся и ощутил на лице лапу Медведева.

– Вот леший, чуть на тот свет не отправил! – Сергей отодвинулся, повернулся на другой бок, чтобы не дышать на товарища и не лишать кислорода, какой пока имелся в трубе.

Сонный Медведев что-то промышчал во сне и скривился, вытягивая ногу, положив голову на руку, продолжил тревожный сон. Земляков оглядел в трубе бойцов, почти погрузившихся во тьму из-за кое-где светивших фонариков, убежавших в туманную даль, и вновь ткнулся головой

в снятый обвес. Но недолго он спал, проснулся от послышавшегося стога, подумал, что это Карпов мучается, а пригляделся – Медведев в свою правую ногу вцепился.

– Что с тобой? – негромко спросил Земляков.

– Нога застыла – сводит, того гляди жилы полопаются.

– погоди, – шепнул Земляков, вспомнив, как футболисты во время матча снимают судорогу, – ложись на спину.

Медведев послушно кое-как уместился, а подползший Земляков выпрямился, насколько можно было, и, приподняв ногу Михаила, удерживал пятку, а другой рукой давил на стопу: раз, второй, третий.

– погоди, без фанатизма давай, – зашевелился Медведев, – а то ласту отломишь. Вроде полегче стало.

– Встань, походи немного, разомни, – предложил Земляков.

Тот осторожно приподнялся, сделал два-три шага туда-сюда, радостно выдохнул:

– Ты как доктор Айболит! Где этому научился-то?

– Жизнь научила. Ложись, ещё разок потяну мышцы для закрепления успеха.

На этот раз Медведев почти без проблем лёг на спину, приподнял ногу. Земляков знающе поработал с его ступнёй, спросил:

– Лучше?

– Нормально. Всё вроде прошло.

– Ну, вот, а ты боялся. Плясать скоро будешь!

На лице Михаила пробежала чуть заметная улыбка, он вздохнул:

– Спасибо тебе! Ты настоящий костоправ!

– Обращайтесь, – улыбнувшись, посоветовал Земляков и был рад, что сумел помочь товарищу.

Он было устроился спать, но вдруг Карпов – в этот раз уж точно он – надсадно закашлялся.

– Хлебни водички, – посоветовал Земляков, – и постарайся глубже дышать.

– Пробую, ни хрена не получается, глотку как при ангине дерёт.

– Никто драть не будет, если сам перестанешь языком ворочать. Постарайся дышать аккуратно и глубоко.

Карпов сделал глоток, убрал бутылку, продышался и, действительно, перестал кашлять, а Земляков, убедившись, что товарищу полегчало, вновь устроился спать. Подумал, чувствуя, как слипаются глаза: «Здесь поневоле доктором станешь!»

Он почти проспал до того часа, правда, с перерывами, когда вдалеке раздался негромкий голос Силантьева:

– Просыпаемся, бойцы! Нас ждут великие дела!

Вскоре появился невысокий коренастый «Спутник», которого непросто теперь можно было узнать из-за потемневшего от копоти лица.

– Выспались? – спросил он у Землякова. – Как спалось?

– Отлично!

– Вот и прекрасно... Выпейте по глотку водички, и далее будем выдвигаться. Вчера более половины пути прошли, осталась меньшая часть. Вода имеется?

– Почти вся...

– Терпите. В конце пути обещают по бутылке на брата.

– Есть терпеть!

– Молодец! Как фамилия?

– Земляков!

– Запомнил... Выдвигайтесь, не засиживайтесь.

Он пошёл по трубе навстречу движению: через кого-то переступал, кто ещё спал, кого-то обходил, кому-то помогал подняться на ноги, у кого-то останавливался, говорил о чём-то, и чувствовалось в его движениях, манере разговора желание сплотить бойцов, создать им доброе настроение, а будет настроение, то и надежда на счастливый исход будет подогревать в трудную минуту. Поэтому и говорил с ними мягким голосом, хотя и простуженным, и доверительные слова в этот момент оказывались очень кстати. Действовали они гораздо надежнее, чем если бы он отдавал резкие команды, особенно в эти минуты. Их уже ой как много минуло, если считать с той самой, когда они погрузились в подземное, не особенно гостеприимное царство.

Теперь начинался второй день их бесподобного путешествия, и никто не знал, каким оно выдастся, чем отзовется в сердцах и душах и как оно подействует на них. Что лучше не станет, это очевидно, по крайней мере до того часа, пока они не выберутся на поверхность, где, даже не верилось, хватанут полные лёгкие весеннего воздуха. И станет он для них самым вкусным и бесподобным подарком. И будут они дышать им, орать, захлёбываясь от счастья, и будет им казаться, что лёгкие вот-вот разорвутся. Сергей вспомнил, как бросал курить, когда родился Гришка, какое он ощущение испытал после нескольких лет жизни в никотиновом дыму. Тогда казалось, что лёгкие не выдержат, лопнут, когда он вдыхал во всю грудь, но и этого оказалось мало, хотелось дышать глубже и глубже. Что-то похожее будет и с ними, когда они выберутся из подземелья, только в тысячу раз комфортнее. И когда Земляков представлял этот момент, то постарался не очаровываться мимолётными грёзами, зная, что только тогда он достигнет желаемого, когда придёт пора тому часу, такому долгожданному. Пока же, как ни старайся, как ни терзайся, раньше определённого часа ничего не получится. А сейчас... А сейчас волю в кулак, глаза в кучку, чтобы не споткнуться, не упасть, потому что ой как тяжело падать в металлической трубе, а то он вчера упал и едва колено не расшиб, хорошо, наколенник помог спастись от травмы. А что значит стать хромым в этом месте? Это беда. Никто, конечно, не бросит, но каково быть обузой для других, когда самих себя-то нести тягостно.

Во всех мысленных наслоениях Сергею вспоминались слова «Спутника» о том, что большая половина пути вчера была пройдена. А что это значит? Что сегодня вечером они должны узнать дальнейшие планы командования или крайний срок – утром, которые понемногу проясняются, хотя ничего конкретного им никто не говорил. Ведь и без того понятно, что не просто так они выдвигаются куда-то по трубе. Труба куда ведёт? Ясно ж, что не в свой тыл, в свой тыл можно и без трубы добраться, а ведёт труба в тыл врагов, причём глубокий. И если учесть, что труба тянется в юго-западном направлении со стороны села Большого Солдатского в сторону Суджи, занятой врагами, то тогда понятно расстояние, какое им необходимо пройти. Получается, что сегодня к вечеру они должны достигнуть окрестностей этого города и, как ангелы-хранители и защитники, должны воспарить над ним, выбив нацистов и защитив оставшихся жителей. Если так рассуждать, то всё сходится, и теперь особо и голову нечего ломать, а надо делать, что должно, а там... А там прозвучит от «Спутника» команда, ибо он отвечает за введенных бойцов, за их жизни и судьбу. Главное, чтобы переживания оказались грамотными.

Когда разогрели негнувшиеся спины, размяли ноги, Земляков спросил у Медведева:

– Ну, что, дорогой товарищ Миша, готов в путь-дорогу?

– Готов-готов... Дорогу осилит идущий – говорит мой внутренний голос.

– Правильно говоришь, голова!

Сказать легко, а каково осуществить – это вопрос. Медведев, переговорив с Земляковым, знал от него, что к вечеру они должно дойти до конечной точки, если, конечно, смогут дойти. Вчера-то они сгоряча, можно сказать, отмахали большую половину, а сегодня даже первые шаги даются ой как тяжело, а что будет дальше, можно лишь предположить. И ведь ни с кем это не обсудишь, не переговоришь, не станешь жаловаться на судьбу: в таком случае либо засмеют, либо отвернутся пацаны. Да и не для того он шёл на СВО, чтобы пыхтеть и гундеть. В

таком случае самому противно делается. «Терпи, Михаил, и это тебе зачтётся!» – успокаивал и подбадривал он себя, вспоминая жену.

10

Сказать, что у Валентины Медведевой время в отсутствие мужа тянулось бесконечно долго, — это ничего не сказать. Оно мучительно тянулось. Постоянные мысли о погибшем сыне, а теперь о воюющем муже не давали покоя. Она по-настоящему ничего и не знала о нём. Знала лишь, что он на Курском направлении, а где конкретно, чем занимается — для неё это было не особенно понятно. Она никогда ранее не интересовалась военной темой, она не была для неё чужой в полном значении этого слова, хотя, конечно же, знала как библиотекарь поселковой библиотеки основные книги на военную тему, могла кратко изложить их содержание и посоветовать читателям, особенно дачникам, приехавшим на лето в посёлок и окрестные сёла, произведение того или иного автора. Свои-то постоянные читатели, хотя их и немного, не хуже её самой знают о наличии той или иной книги. Даже временами пытаются проявлять инициативу и влиять на список поступлений, а их почти нет в последние годы. Пришлют одну-две книжки в квартал непонятных современных авторов, которыми редко кто интересуется, а в основном читают классику, книги советского периода, которых с каждым годом становится всё меньше, если многие списываются из-за ветхости. Зато регулярно и на обязательной основе присылают книжки-брошюры чиновников из области. Тут и материалы по животноводству, лесному хозяйству, книжки-квесты, то есть книжки-игры, если перевести на родной язык. Из детских книг тоже чаще всего спрашивают классику. Казалось бы, чего проще: есть спрос — переиздавайте и распространяйте по библиотекам востребованное. Так нет же: неведомых иностранных авторов навязывают, которые считают детей за дураков, а их родителей — за идиотов, и этих авторов кто-то поддерживает, и они, их книги, разрушают сознание детей и восприятие ими мира. Валентина читала в прессе, что поднимается этот вопрос, но пока особых подвижек не было заметно, и становилось особенно обидно за детей. Ведь им что навязжут, то они и будут изучать и не задумываться над тем по младости лет, как на самом деле необходимо взглянуть на то или иное явление или событие. Хотелось бы, чтобы они читали книги с положительными примерами, учились жизни на них. Поэтому, бывая иногда в области, она покупала на свои средства детские классические книжки, оформляя их поступление как дарственные, чем радовало местных понятливых родителей, впрочем, не особенно задумывавшихся над тем, каким образом эти книги появились в их библиотеке.

Без Михаила она перебивалась одна, хотя неподалёку жили родители, и к нам она навещалась по выходным. Иногда ночевала там. Помнится, первое время после свадьбы и жили с Михаилом у них. Но недолго муж мирился со статусом примака из дальней мешерской деревни. В лесхозе, где работал, ему помогли со строевым лесом, сам он, скопив денег, нанял плотников, и те срубили пятистенки. К тому времени, когда родился Димка, у них уж был собственный дом, который сперва выглядел большим и пустынным из-за почти отсутствия мебели. На первых порах имелись лишь диван-кровать, старый холодильник, кровать сына, стол с табуретками и немного посуды, зато сразу поставили котёл ОАГВ для газового отопления. Прошёл ещё год и другой, Димка подрос, начал ходить и даже бегать, и у него появилась отдельная кровать, потом мебель. Мало-помалу, с помощью родителей и старшего брата, жившего в Москве и хорошо зарабатывавшего, они обставили дом мебелью, холодильник заменили, телевизор купили, потом и второй, компьютер с прибабасами приобрели, сами приоделись. К тому времени, когда Дима оканчивал школу, многое даже поменяли.

И вот теперь сына нет, и муж неизвестно где. И как-то это всё быстро произошло, за полгода всего её жизнь перевернулась. Разве могла она предположить всего полгода назад, когда сын демобилизовался из армии, что вскоре потеряет его, что пройдёт совсем малое время, и муж отправится в «командировку», как он называл СВО. Уж ему-то чего не сиделось дома. Понятно, что тяжело пережить потерю сына, не знаешь, что далее делать после такой ката-

строфы, но ведь не они первые, не они, надо думать, и последние. Ведь это всегда было, во все времена войны приносили потери и горе людям. Но ведь как-то жили с Божией помощью, находили в себе силы победить кручину. Ведь и сейчас жизнь продолжалась – и у них с Михаилом продолжается, уже четыре месяца они знают, что у них есть продолжение Димы. Оно пока маленькое, это продолжение, но иногда уже заявляет о себе. И она знает, недавно узнала в консультации, что этот маленький – новый Димка. Она очень хотела мальчика, и вот он в ней живёт, а его отец пока ничего не знает об этом. Ведь наверняка обрадуется сыну. Они ещё договорились до отправки Михаила на фронт, что у них будет второй Димка. Ну а если девочка – так и быть тому. Тут уж ничего не поделаешь. И дочке рады будут. И теперь осталось всего ничего: дожидаться рождения сынка и возвращения с фронта Михаила. Ведь это вполне реально, если всё чаще по телевизору говорят о перемирии и скором завершении войны. Надо лишь дотерпеть до этого счастливого момента.

Валентина не знала, как ускорить его и что может зависеть от неё. Ничего. Ну, повспоминает, повздыхает, а дальше что? Лишь душу растревожишь. Ну, вспомнишь Николая Угодника, ну, перекрестишься, попросишь у него защиту воину Михаилу. Это, конечно, неплохо, но этого мало. Надо самой в церковь сходить, поставить свечку за его здоровье. Вот это непременно поможет, Михаил и знать об этом не будет, а слово и дух Божий будут осенять его. Разве этого мало.

Она посетила церковь в ближайшую субботу. Поставила свечу за здоровье Михаила, приложилась к иконе Божией Матери, исповедалась и прониклась службой, когда её сердце трепетало от соучастия, и причастилась. Возвращалась из храма с лёгкостью и радостью на душе. В этот же выходной она не пошла к родителям, решив, что негоже оставлять дом без присмотра, сиротой. Пусть Михаил знает, что в его доме по вечерам горит свет, ему всегда есть куда вернуться. Это его дом. Валентина лишь каждый вечер, как сгущались сумерки, обходила комнаты, крестила тёмные углы, прогоняя чёрные силы, и молилась на ночь, читала «Отче наш» – это приносило облегчение, душа расслаблялась как за невидимой защитой. Очень скоро она привыкла к тому распорядку, приносившему покой, и не представляла, как могла ранее жить без него. Если сперва не находила себе места после отъезда мужа на фронт, страшилась спать в пустом доме, то теперь спокойно относилась к своему временному одиночеству, хотя и не считала себя полностью одинокой, помня, кто живёт в ней под сердцем. А с начала марта она начала готовить ящики для рассады. При доме у них был огородик, теплица, и к Пасхе обычно появлялись свои редиска, зелёный лук. Позже там кустилась рассада помидоров, огурцы наливались пупырышками. В общем, обычные домашние хлопоты в провинции, которые не позволяли скучать от безделья, а когда время чем-то занято, то и бежит оно незаметно, и на душе спокойнее.

Только как-то раз испугало вечернее происшествие, заставившее переживать, даже переполошиться, когда чья-то собака застряла в штaketнике палисадника. Вот как она попала туда, чем уж так заинтересовал её палисадник? Думала, побесится-побесится собачка, сорвётся и убежит. Но время шло, а она никак не могла освободиться. Принялась выть, то ли от безысходности своей, то ли звала хозяина. И от этого воя Валентине стало не по себе, потому что так собаки воют к покойнику. «Господи, что же это такое? За что такое наказание?! – думала она, связав этот вой с событиями на курской земле, где сейчас находился Михаил. – Господи, помоги ему, отведи беду великую!» – помолилась она и невольно связала тамошние события с воющей собакой под окном и не знала, что делать. Позвонить родителям, так ведь не хотелось тревожить отца, самой попытаться что-то делать – мысль мелькнула и пропала: не хотелось рисковать. Решила к соседям сходить, пока они не легли спать. Только собралась – собака выть перестала, но всё равно пошла, решив: «Сейчас не воет, через минуту опять будет заливаться на всю улицу».

Постучала в окно соседям. Увидев выглянувшего на крыльцо хозяина, сказала:

– Виктор Васильевич, не знаю, что делать. Собака чья-то приبلудная запуталась в палисаднике – всю душу истерзала. Помогите избавиться от неё.

– А чего ты с ней сделаешь. Сорвётся – покусает. Это, скорее всего, никулинская собака сорвалась, она у него часто срывается. Хозяин зальёт в глотку, день-два не покормит – она в бега. Наверное, и в этот раз та же история. И не подойдёшь к ней – зла до невозможности. Ладно, ты ступай домой, а я схожу к хозяину, попрошу, чтобы убрал это безобразие.

Валентина ушла к себе и долго стояла у окна, наверное, полчаса дожидалась, пока появился тот самый разухабистый Никулин. Он прикрикнул на кобеля, тот сразу присмирел и поджал хвост, а хозяин повёл его на цепи домой. Валентина вроде бы успокоилась, легла спать, а мысли так и бегут чередой из-за этой собаки. Она уже застревала у них полгода назад именно тогда, когда перестал выходить на связь сын. И так же выла среди ночи, пока Михаил не поддел на рассвете колом цепь и кобель унёсся в открытую калитку. Теперь она связала эти два происшествия, и сравнение растревожило сердце. «Ну, где ты, Миша? Отзовись, успокой меня грешную, нет у меня никаких сил терзаться. И когда это закончится – одному Богу известно. Отзовись. Мне и нужно-то услышать от тебя несколько слов, что жив-здоров и ждёшь встречи». Михаил, конечно, не мог её услышать, но она надеялась, что её слова каким-то невероятным образом дойдут до него, он отзовётся, а пока она будет терпеливо ждать его родной голос.

Если бы всё так было просто и понятно и нашёлся бы какой-нибудь мудрый человек, чтобы объяснил, рассказал что-то о Михаиле, хотя бы на расстоянии соединил бы их. Но где такого найти, мудрого и всезнающего волшебника, да и есть ли такие. Поэтому ей оставалось всё носить в себе и не понимать, как она могла допустить, чтобы муж отправился на фронт. Кто его неволил, какой командир? Ведь сам же напросился, а она отпустила. Не смогла удержать. Хотя, вспоминая себя тогдашнюю, она и не понимала особенно, что происходит, в какую пропасть заглянул муж, находясь в разбитом и почти неадекватном состоянии с того времени, когда пришло извещение на сына, до конца не сознавая, что происходит. И это продолжалось не одну неделю, казалось, что всё происходит не с её сыном, а сын обязательно вернётся, хотя он уже упокоился на поселковом кладбище. Только поняла месяц назад, когда в их посёлке вновь хоронили бойца, погибшего на Донбассе. Она его знала, выдавала ему книги, когда он учился в старших классах, и думалось тогда, что всегда будет знать его, как и всех иных читателей библиотеки. Но нет, теперь одного недосчитаться. Можно ли было подумать тогда, что он отойдёт в Царство Божие так рано, таким молодым, даже не успевшим жениться. В это совсем не верилось, как до поры до времени не верится в любую смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.